

Ренар М.

НОВЫЙ ЗВЕРЬ
КАНИКУЛЫ ГОСПОДИНА ДЮПОНА
НЕПОДВИЖНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Морис Ренар

**Новый зверь. Каникулы
господина Дюпона.
Неподвижное путешествие**

«Алгоритм»

1905, 1908

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Ренар М.

Новый зверь. Каникулы господина Дюпона. Неподвижное путешествие / М. Ренар — «Алгоритм», 1905, 1908 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03957-7

Французский писатель Морис Ренар (1875–1939) – один из ведущих писателей-фантастов первых десятилетий XX в. Кроме того, наряду с сюжетами научно-фантастического характера, Ренар широко использовал в своих сочинениях мистико-религиозную, псевдогоготическую, детективную и приключенческую тематику. В этом томе публикуются три произведения Ренара. В романе «Новый зверь» (в оригинале «Доктор Лерн, помощник Господа Бога») его герой, проводя в зловещих целях – достижения власти над миром – опыты по метемпсихозу (переселению душ посредством пересадки мозга), добивается обратного результата: мозг ученого-безумца, которым уже овладел злодей-немец, помещен в двигатель его автомобиля, после чего машина становится «смертным существом», подверженным разложению и гниению. В повести «Каникулы господина Дюпона» речь идет о воскрешении гигантских чудовищ из мезозойской эры. В приключенческом рассказе «Неподвижное путешествие» использованы свойства такого фантастического явления, как антигравитация.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-03957-7

© Ренар М., 1905, 1908

© Алгоритм, 1905, 1908

Содержание

Новый зверь	7
К читателю	8
Глава I	11
Глава II	19
Глава III	29
Глава IV	35
Глава V	41
Глава VI	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Морис Ренар
Новый зверь. Каникулы господина
Дюпона. Неподвижное путешествие

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

Новый зверь

Господину Г. Дж. Уэлсу

Прошу Вас, милостивый государь, принять эту книгу.

Радость посвятить ее Вам является далеко не последней в ряду тех, которые я испытал, сочиняя ее.

Я задумал ее в духе идей, которые и Вам дороги. И я от всей души желал бы, чтобы моя книга была близка Вашим по духу, не по своему значению и по своим достоинствам, на что было бы смешно претендовать с моей стороны, но хотя бы по тем особенностям изложения, которые дают возможность самым чистым, как и самым непримиримым умам наслаждаться Вашими произведениями, нисколько не лишая их очаровательного значения у самых изысканных и тонких знатоков нашего времени.

Когда Судьба, добрая или злая, случайно натолкнула меня в аллегорической форме на этот сюжет, я не счел себя вправе отказаться от него из-за того только, что точное изложение его требовало известной смелости выражений, которые можно было бы обойти, только сократив изложение, что я считал бы преступлением против моей литературной смелости.

Теперь Вы знаете – Вы сами догадались бы об этом, – как мне хотелось бы, чтобы отнеслись к моему произведению, если кто-нибудь окажет ему непредвиденную честь подумать над ним. Я далек от желания пробудить в читателе примитивные инстинкты и радость при чтении описаний легкомысленных картин: я предназначаю свою книгу философу, влюбленному в Истину под покровом чудесной выдумки и в Высший Порядок мироздания под ложной оболочкой хаоса.

Вот почему, милостивый государь, я прошу Вас принять эту книгу.

Морис Ренар.

К читателю

Это произошло в зимний вечер около года назад после прощального обеда, который я задал моим друзьям в моей меблированной квартирке, на улице Виктора Гюго.

Эти частые переезды с квартиры на квартиру вызывались исключительно бродяжническими наклонностями моего характера, и сегодня, на прощание, мы весело продолжали, в сущности, пирушку, которую я затеял по поводу столь недавнего новоселья. Мы начали сегодня как раз с того момента, на котором тогда остановились. Когда пробил час ликеров и остроумия, каждый из нас блеснул, чем мог. Первым, конечно, выскочил сальный Жильбер, затем король парадокса и скоморох всей банды – Марлотт, а после него Кардальяк, наш постоянный, приносящий мистификатор.

Не помню точно, как это произошло. Помню, что целый час мы утопали в табачном дыму. Потом кто-то вдруг потушил электричество, внес спешное предложение о необходимости устроить спиритический сеанс и сгруппировал нас в темноте вокруг маленького столика. И этот «кто-то», прошу заметить, был не Кардальяк. Может быть, это был его помощник, если предположить, что сама идея принадлежала Кардальяку.

Нас было восемь человек, восемь неверующих против какого-то нуля, маленького столика, который мог положиться только на свои три ноги и который покорно вертелся под нашими шестнадцатью руками, расположившимися на его верхней доске по всем правилам оккультной науки.

Эти правила нам преподавал Марлотт. Он был когда-то усердным прихожанином спиритических сеансов, оставаясь, впрочем, нечестивым язычником, и знал все тайны столоверчения. Он был обычно нашим шутком, и мы охотно подчинились тому, что он захватил руководство сеансом: мы вперед радовались предстоящей потехе.

Кардальяк был моим соседом справа.

Я слышал, как он, с фырканием и кашлем, подавлял смех.

Тем временем столик продолжал вертеться.

Жильбер задал вопрос – и, к безграничному удивлению Марлотта, столик ответил. Ответил сухими, скрипящими деревянными звуками и согласно эзотерическому алфавиту.

Марлотт перевел нам этот скрип голосом, значительно поколебавшимся в своей обычной уверенности.

Каждому из нас захотелось задать вопрос столику – он проявлял в своих репликах большое остроумие. Воцарилось серьезное настроение. Началась отчаянная мозговая работа. Вопросы срывались с наших уст, и необычайно быстро следовали ответы, исходившие, как мне казалось, от той ножки стола, которая была поближе ко мне, справа.

– Кто будет здесь жить через год? – опросил тот, кто затеял это спиритическое развлечение.

– Ого! Если ты станешь спрашивать его о будущем, – воскликнул Марлотт, – ты услышишь какую-нибудь чепуху или он совсем замолчит!

– Оставь, – вмешался Кардальяк.

Вопрос повторили снова:

– Кто будет здесь жить через год?

Стол закрипел.

– Никто! – возвестил переводчик.

– А через два года?

– Николай Вермон.

Все мы в первый раз слышали это имя.

– Что он будет делать в этот самый час ровно через год?

– Нам хотелось бы знать, что он делает... Отвечай!

– Он начинает... здесь, на мне... записывать... свои приключения.

– Ты можешь прочитать, что он пишет?

– Да... и то, что он напишет потом... и то и другое...

– Расскажи... Только начало, самое начало.

– Устал. Алфавит... недостаточен... Дайте пишущую машину.

В темноте раздался сдержанный шепот. Я встал, принес свою машину и поставил ее на столик.

– Это «ватсон», – сказал столик, – я француз и желаю писать на французской машине, мне нужен «дюран».

– «Дюран»? – спросил мой сосед слева, страшно удивленный. – Разве есть такая фирма? Я не слышал.

– И я тоже.

– Я такой не знаю.

– И я.

Мы были страшно расстроены этой неудачей. Вдруг отчетливо и медленно прозвучал голос Кардальяка:

– У меня есть «дюран». Хотите? Я привезу.

– Ты сумеешь писать в темноте?

– Через четверть часа я вернусь, – сказал он и вышел, оставив наш вопрос без ответа.

– Ну, уж если вмешался Кардальяк, – сказал один из спиритов, – будет потеха.

Вновь загоревшаяся люстра осветила наши напряженные лица. Марлотт был даже бледен. Кардальяк вернулся поразительно скоро.

Он сел за столик со своим «дюраном». Снова погасили свет. Совершенно неожиданно столик заявил:

– Остальные не нужны. Поставь свои ноги на мои. Пиши.

И мы услышали щелканье пальцев по клавишам.

– Странно!.. – воскликнул переписчик-медиум. – Черт возьми! Мои пальцы движутся сами собой!..

– Тсс... вот жулье!.. – прошептал Марлотт.

– Клянусь вам, что это правда, – подтвердил Кардальяк.

Мы просидели довольно долго в молчании, прислушиваясь к стуку этой «телемашины». Щелканье клавиш прерывалось только звонком в конце каждой строчки и стуком салазок при повороте. Каждые пять минут заполнялся лист. Мы решили перейти в гостиную и прочитывать там вслух передаваемые Кардальяком через Жильбера листы.

79-й лист был расшифрован нами уже на рассвете, когда машинка остановилась.

Но то, что напечатал этот «дюран», так нас захватило, что мы принялись умолять Кардальяка довести рассказ до конца.

Он снова сел за работу, и через несколько ночей, проведенных за этими скоропишущими цимбалами, Кардальяк доставил нам полностью все приключения Вермона.

Читатель познакомится с ними на страницах этой книги.

Эти происшествия крайне странны, и в них много щекотливого. Будущий автор этих записок не сможет их опубликовать: ему придется сжечь рукопись, как только он ее закончит. Таким образом, если бы не предупредительность столика, ни одна живая душа никогда не

ознакомилась бы с этими страницами, и это раздражает меня, настолько убежденного в правдивости этих сообщений, что я опубликовываю их даже раньше, чем они написаны.

Я их считаю правдивыми, несмотря на то что они изображают характер такой странности, что он может показаться карикатурой. Местами они представляют беглые наброски, заметки на полях...

А может быть, это все апокриф? Сказка скорее входит в славу, она обольстительнее истины. А эта сказка Кардальяка ни в чем не уступает другим.

Мне безумно хочется, чтобы описание доктора Лерна было подлинным портретом существующего человека. Ведь согласно пророчеству столика приключения нашего героя, изображенные здесь, в действительности еще и не начинались и только начнутся, когда эта книга увидит свет. Подумайте, какая же это будет потрясающая, лихорадочная, неслыханная злободневность!

Кроме того, через два года я узнаю, живет ли действительно Николай Вермон в моей маленькой квартире на улице Виктора Гюго. Именно это укрепляет мою веру в то, что здесь нет никакого подвоха. Как могу я допустить, чтобы высокоинтеллигентный и серьезный Кардальяк потратил столько часов, чтобы просто сфабриковать всю эту историю?.. И это мой самый главный, сам за себя говорящий аргумент.

Ну а если придирчивый читатель захочет все это проверить, пусть он отправится в Грей л'Аббе. Там он получит подробнейшие сведения о существовании профессора доктора Лерна и его образе жизни. Что касается меня, то у меня на это свободного времени сейчас нет. Я буду очень просить этого достойного исследователя сообщить мне все, что он узнает. Я прямо горю нетерпением узнать, что, в конце концов, представляет собой последующий рассказ: мистификацию со стороны Кардальяка или действительно откровение, продиктованное вертящимся столиком?

Глава I Ноктюрн

Июньский день склонялся к вечеру. Тень машины с приросшей к ней, в виде какого-то шипа, мою тень неслась вперед и становилась длиннее с каждым мгновением.

С самого утра передо мной удивленные человеческие физиономии, глазающие на меня как на диковину. Кожаный шлем, делающий мою голову похожей на череп смерти, очки, придающие мне глазницы скелета, окутывающий меня с ног до головы балахон из красно-бурой кожи делают меня похожим на исчадие ада, на какое-то дьявольское животное из искушений святого Антония, бегущее от солнца навстречу ночи и ее ужасам.

И действительно, в меня как будто вселилась душа отверженного. Мне было так страшно, как только может быть страшно тому, кто несется очертя голову семь часов подряд на неистово мчащейся вперед машине. В мозгу сплошной угар. Ни малейшей мысли, одно только мучительное чувство нетерпения. Какой-то отвратительный демон непрестанно шепчет мне настойчивое, краткое приказание: *«Приезжай один, предупреди!»* – и я дрожу от волнения и дорожной лихорадки.

Это странное, дважды подчеркнутое в письме моего дяди, доктора Лерна, приказание: *«Приезжай один, предупреди!»* – не сразу произвело на меня такое огромное впечатление. Только после того как я отправился в путь, известив предварительно дядю, и по мере того как я приближался к замку Фонваль, этот таинственный приказ начал вызывать во мне необъяснимое чувство и восстал передо мной во всей своей странности. Везде вокруг меня я слышал слова: *«Приезжай один, предупреди!»* Мне приходилось делать над собой усилие, чтобы освободиться от этой навязчивой идеи.

Я поднимал глаза, чтобы прочесть на табличке название деревни и читал: *«Приезжай один...»*

«Предупреди!» – слышалось мне в полете птиц.

А мотор неустанно и словно в бешенстве каком-то твердил: *«Приезжай, приезжай, приезжай, предупреди, предупреди, предупреди...»* Я не находил, сколько ни старался, объяснений этому распоряжению дяди и мучительно хотел поскорее приехать и сорвать покров с этой тайны. Не для того, чтобы наконец услышать долгожданное, но, без сомнения, банальное объяснение, но чтобы избавиться от этой бесконечной пытки.

К счастью, я приближался к замку. Местность стала знакомой и вызывала во мне представление о далеком прошлом. Мне стало легче. Я задержался несколько в населенном и кипучем Нантеле. Но как только я выехал из предместья, я наконец увидел издали туманные очертания арденнских высот.

Вечер уже наступил. Желая до ночи достигнуть цели, я развил страшную скорость. Машина несется вперед, мостовая мелькает подо мной, развертываясь как бесконечная лента. В ушах свист, лицо колет, как от тучи мошек, тысячи мелких песчинок дробью ударяются о мои очки. Солнце теперь справа от меня, но еще стоит над горизонтом, и стены, мимо которых я проношусь, то погребая меня, то выбрасывая меня вверх, чередуют перед моими глазами какими-то скачками то закат, то восход солнца. Наконец оно зашло. Я мчусь сквозь полутьму, развивая крайнее напряжение машины. Вот Арденнский лес. То, что раньше казалось облаком, получает вдруг зеленую окраску, окраску леса, становится лесом. Мое сердце настраивается

лирически. Пятнадцать лет! Пятнадцать лет я не был в этом лесу! Мой старый друг! Товарищ моих каникул!

Здесь, в твоей густой чаще, скрывается, в гигантском овраге, замок. Я представляю себе необыкновенно отчетливо эту котловину; вот оно там, впереди, это громадное темное пятно, похожее на какую-то бухту. Покойная тетка моя, Лидивина Лерн, напичканная легендами, уверяла, что Сатана, расвирепевший однажды, когда рухнула какая-то его надежда, так яростно повернулся на своей громадной пятке, что оставил на поверхности земли этот след. Это мнение, однако, оспаривалось. Во всяком случае, образ этот замечательно хорошо характеризует фонвальский пейзаж: гигантское круглое углубление с совершенно отвесными стенами и единственным выходом на поля. Другими словами, земляной залив посреди гор, стоящих кругом, как на страже.

Так как замок покоится в углублении, можно подъехать к Фонвалю, минуя холмы. Парк занимает середину котловины, и скалы защищают его со всех сторон, за исключением спуска. Этот спуск замыкает стена, которая, в свою очередь, замыкается воротами. А потом идет длинная, прямая как стрела липовая аллея. Еще немного, и я помчусь по ней... и узнаю, почему никто не должен был сопровождать меня в Фонваль. *«Приезжай один, предупреди...»* В чем дело?

Терпение. Арденнский массив распадается передо мной на отдельные громады. Все движется под влиянием бешеного темпа моей езды. Горы то низвергаются на меня, то вырастают передо мною и вспениваются гигантским хребтом, как в вечной игре океана...

Вдруг что-то шумно вспорхнуло и улетело. Там, очевидно, гнездо. Какое знакомое место! Каждый год в августе здесь, у вокзала, ждала меня и маму запряженная Бириби дядина коляска. И сюда же привозила она нас, когда мы уезжали в город. Привет тебе, мой Грей л'Аббе! Теперь до Фонваля всего три километра. Я бы нашел замок даже с завязанными глазами. Вон под теми деревьями начнется дорога, превращающаяся в большую аллею, ведущую к замку...

Темная ночь. Какой-то крестьянин кричит мне что-то вслед. Конечно, ругает. Я к этому привык. Моя сирена бросает ему угрозу.

Лес! Какой аромат! Он напоминает о временах, свободных от школьного гнета. Мои воспоминания и лес сливаются в одно чувство... Как хорошо! Исключительно хорошо! Как продлить это наслаждение?

Замедлим ход. Справа и слева наступают стены котловины. Высоко. Еще выше... Если бы было светлее, я увидел бы замок в конце вытянутой в струнку аллеи... Но что это?

Я чуть не опрокинулся вместе с машиной. Совершенно неожиданный поворот...

Я еще убавляю ход.

Опять поворот, потом еще один.

Я остановился.

Небесный свод, как росой, усыпан звездами. Весенняя ночь позволяет мне различить высоко надо мной гребни гор; только угол, в который они упирались, смущал меня. Когда я двинулся назад, я увидел разветвление дороги, не замеченное мною раньше. Я взял направо и после нескольких поворотов опять очутился на перекрестке. Загадочно, страшно загадочно. Я пробую ориентироваться. и беру направление на Фонваль... снова перекресток! Куда эта дорога направо? Я был ошеломлен.

Я зажег фонари и двинулся вперед отдельными толчками. Опять тупик. Черт возьми! Ведь я был уже у этой березы! Стены вокруг меня держались все на той же высоте. Я очутился в настоящем лабиринте. Я не мог никакими силами двинуться дальше. Не предупреждал ли меня об этом своим криком грейский крестьянин? Очень возможно.

Нужно просто довериться случаю. Меня бросало в жар. Фонарь нащупывал дорогу ярким лучом. В третий раз на том же перекрестке! Опять эта гнусная белая береза! В третий раз, исходя из трех разных путей, я наткнулся опять на нее.

Кричать, звать на помощь? Но сирена вдруг отказалась служить. А голосом? Отсюда одинаково далеко и до Грея и до Фонваля... Невозможно!

Мне стало страшно. А вдруг и бензин иссякнет? Я остановился на перекрестке и обследовал машину. Резервуар почти пустой. Теперь бензин весь уйдет на эти тщетные поиски дороги. Мне пришло в голову, что легче пройти пешком через лес... Я собрался осуществить это намерение, как вдруг наткнулся на колючую проволоку в кустах.

Очевидно, эта преграда сделана не зря. Работа какого-то нового Дедала. Очень тщательно. Честь и хвала организатору этой защиты!

Я был совсем сбит с толку.

«Уважаемый доктор Лерн, – принялся я рассуждать, – я вас совершенно отказываюсь понимать. Сегодня утром вы должны были получить известие о моем прибытии. И вот я попадаю в коварнейшую ловушку, какую только способен был создать маскировщик местности. Как вам пришла в голову подобная идея? Неужели вы изменились еще больше, чем я это себе представляю? Пятнадцать лет назад вам и во сне не снились такие фокусы фортификации...»

Пятнадцать лет? Такая же ночь, как эта. Небо светилось, как сейчас, и лягушки наполняли тишину ясными, тонкими, короткими и сладкими звуками. Пел соловей. Как сейчас. Дядя! Как хорош был тот далекий вечер! Тетя и мама, две сестры, умерли на одной и той же неделе, и мы остались вдвоем, лицом к лицу, вдовец и сирота!..»

Перед моим воображением встал доктор Лерн, каким его знал весь Нантель. В тридцать пять лет известный уже всему миру хирург, человек с необыкновенно ловкой и смелой рукой, не знавшей неудачи; доктор Лерн, несмотря на славу, не изменивший своему родному городу; доктор Фредерик Лерн, профессор клиники при медицинском факультете, член-корреспондент многочисленных научных обществ, награжденный бесчисленными орденами и – чего я никогда не забывал – опекун своего племянника Николая Вермона.

Я мало имел сношений с новым отцом, которого мне дал закон. Он никогда не брал отпуска. Он только летом проводил воскресные дни в Фонвале, но даже здесь, в уединении, посвящал их неустанной работе. Его страсть к садоводству, которую он принужден был сдерживать в будни, приковывала его на весь праздник к его маленькой оранжерее, к его тюльпанам и орхидеям.

Несмотря, однако, на наши редкие встречи, я хорошо знал его и любил..

Коренастый, веселый, уравновешенный и трезвый. Несколько, может быть, холодный, но какой добродушный! Я часто непочтительно сравнивал его гладко выбритую физиономию с лицом милой старой дамы, но стрелы моего остроумия пропадали совершенно даром; его лицо вдруг складывалось в античную складку и принимало вид серьезный и высокомерный или освещалось тонкой усмешкой и напоминало плутовскую физиономию времен Филиппа Орлеанского. Среди плоских современных физиономий дядино лицо выделялось своим благородством и столько же напоминало наших драпировавшихся в тоги прародителей, сколько атласом разукрашенных дедов, будущие внуки которых могли бы без ущерба для своей чести носить костюмы своих предков...

В это мгновение Лерн предстал предо мною в своем черном, скверного покроя сюртуке, в котором я видел его в последний раз перед моей поездкой в Испанию. Дядя был богат и хотел видеть меня тоже богатым, поэтому он послал меня в Испанию, с тем чтобы я занялся там торговлей пробкой в качестве представителя торгового дома Гомес в Бадахосе.

Мое изгнание продолжалось пятнадцать лет. За это время дядя должен был разбогатеть еще больше, судя по произведенным им сенсационным операциям, слух о которых проникал даже в глубь Эстремадуры.

Мои дела? Мне не везло страшно. После пятнадцати лет работы я, сильно сомневаясь в том, буду ли я когда-нибудь продавать спасательные круги и бутылочные пробки под своей

собственной фирмой, вернулся во Францию, чтобы поискать другое дело. Вдруг совершенно неожиданно судьба сделала меня богачом: я выиграл миллион... Но об этом лучше молчать.

В Париже я устроился очень комфортабельно, но без всякой роскоши. Обстановка комнат была простая и удобная. У меня было все необходимое, даже с избытком, был автомобиль. Но кое-чего не хватало – семьи.

Но раньше, чем обзавестись новой семьей, следовало, казалось мне, возобновить сношения со старой, то есть с доктором Лерном. Я написал ему.

Из этого, однако, не следует, что мы и без того не были связаны непрерывной перепиской. Сначала он часто давал мне советы и проявлял ко мне отеческое отношение. В первом своем письме он даже писал мне о каком-то завещании в мою пользу, спрятанном в потайном ящике в Фонвале. Даже после сдачи им опекунства наши отношения остались теми же. И вдруг в нем наступила какая-то особенная перемена, ощущавшаяся в письмах, которые стали приходить все реже и реже. Тон их делался все более и более скучными, ворчливым, их содержание становилось все более банальным, стиль неуклюжим, даже почерк потерял свою прежнюю отчетливость. Так как все эти признаки выступали все рельефнее от письма к письму, то я решил ограничить свою корреспонденцию поздравлениями к Новому году. И дядя благодарил меня несколькими неразборчивыми словами. Единственная моя привязанность в жизни была глубоко уязвлена. Я был безутешен.

Что с ним такое случилось?

За год до этой внезапной перемены – за пять лет до моего теперешнего возвращения в Фонваль и моего пленения в этом лабиринте – я прочел в газете:

«Нам пишут из Парижа. Профессор Лерн расстается со своими пациентами, чтобы всецело отдаться вновь начатыми в Нантельском госпитале научным исследованиям. Для этой цели знаменитый ученый уединяется в своем специально приспособленном для этого замке Фонваль в Арденнах. Он привлекает к этой работе несколько пользующихся большой известностью сотрудников, в том числе, между прочим, доктора Клоца из Маннгейма и трех препаратов из анатомического института, созданного доктором Клоцем на Фридрихштрассе, 22, и теперь закрытого. Скоро ли мы услышим о результатах?»

В ответ на мое восторженное письмо Лерн подтвердил мне истинность напечатанного в газете сообщения, но не дополнил его ни единым словом. И, повторяю, эта перемена могла в нем произойти не больше года назад.

Неужели 12 месяцев работы произвели на него такое вредное влияние?

Или какая-нибудь неудача расстроила его настолько, что он стал считать меня чужим человеком и обузой?

И вот, не обращая внимания на его враждебное ко мне отношение, я написал ему почтительнейшее и любовное письмо; я сообщил ему о необыкновенном счастье, выпавшем на мою долю, и просил разрешения посетить его.

Приглашение его не отличалось радушием. Он просил меня предупредить его о дне моего приезда, чтобы он мог заказать экипаж, который привезет меня со станции. «Ты, во всяком случае, останешься здесь ненадолго. В Фонвале невесело. Здесь много работают. Приезжай один, предупреди!»

Но черт возьми! Ведь я предупредил и еду один! И я считал это посещение своей сыновней обязанностью! Ну да, конечно! Глупости! Совершенные глупости!..

И, страшно расстроенный, я смотрел на переплетающиеся дороги, на которые потухающие фонари моей машины бросали мертвенный свет ночников.

Мне, очевидно, предстояло провести ночь в плену у тьмы, в плену у леса. И ничто не освободит меня до рассвета. Напрасно жабы своим кваканьем указывали мне местонахождение фонвальского пруда, напрасно грейский колокол отбивал час за часом, указывая мне лучший ночлег (ведь колокола – это звучащие маяки). Я был в плену.

Пленник. В плену у Арденнских лесов! Выданный Бросельянде – бесконечному лесу, одна граница которого в Блуа, другая в Константинополе, – лесу, подвергающему внутри этих границ целый мир в могильную тьму! Бросельянда! Арена сказаний о героях и детских сказок, страна детей Эймона и Мальчика-с-пальчика, лес, населенный друидами и феями! В твоей чаще сладко уснула красавица, и Карл Великий стоял на часах! Какая мало-мальски фантастическая история не имела этот горный лес по крайней мере своим фоном? В большинстве его деревья были даже действующими лицами. «Ах, дорогая тетушка Лидивина, – шептал я. – Ты умела оживлять каждый вечер все эти легенды. Превосходная женщина! Не напоминала ли ты волшебника из твоей сказки... Милая тетушка! Знаешь ли ты, что твои неслыханные чудовища владеют всей моею жизнью, моими снами. Поверь мне, еще до сих пор в моих ушах стоят волшебные трубные призывы; ведь ты заставляла звучать фонвальскими ночами рог Роланда и Оберона в моих ушах...»

В это мгновение случилось нечто непростительное, и я не мог этому воспрепятствовать: вслед за последней предсмертной вспышкой погасли оба фонаря. Целую секунду царили черная тьма и глубочайшая тишина. Мне казалось, что я глух и нем.

Постепенно я научился видеть. Взошел лунный серп и окутал ночь белоснежным сиянием. Лес оцепенел в ледяном молчании. Меня знобило. Слушая рассказы моей тети, я, бывало, так дрожал от страха. В ту пору я населил бы эту тьму драконами и змеями. Пролетела сова. Она показалась бы мне в ту пору пернатым шлемом волшебного паладина. Справа береза блестела точно рыцарский панцирь. Что это там за дерево? Не сын ли это зачарованного дерева, супруга принцессы Леелины? Таинственно и величественно прошумел дуб. И над всем этим скользящий священный полумесяц...

Этот ночной ландшафт соткан из грез и страха. Я всегда отдавался влиянию этого пейзажа и с наступлением вечера редко осмеливался выходить. Фонваль, если не считать его цветников и великолепной сети аллей, казался мне отвратительным местом.

Бывшее аббатство, превратившееся в замок. Стрельчатые окна, столетний, разукрашенный статуями парк, мертвая вода пруда, крутые, грозные скалы кругом, эти адские ворота. Все это создавало какое-то враждебное окружение и при дневном свете. Неудивительно поэтому, что воображение населяло это место созданиями из мира сказок и мифологии.

По крайней мере я во время каникул жил исключительно этой воображаемой жизнью, говорил на языке сказки и совершал сказочные подвиги. Все здесь шло мне навстречу и казалось бесконечной феерией, в которой я играл с воображаемыми статистами, жившими в воде, на деревьях и под землей – чаще под ней, чем на ней. Когда я гарцевал с голыми икрами по лугу, за мной следовала огромная и блестящая рыцарская свита. А старый челнок, оснащенный тремя мачтами, сделанными из ручки старой метлы, и тремя тряпочками, изображавшими паруса! Разве он не был кораблем, уносившим крестоносцев в средиземный океан? Ого, как он качался на гребнях, покрытых пеною волн! Задумчиво и глубокомысленно глядя на острова из роз и полуострова из дерна, я провозглашал: «Вот Корсика и Сардиния!», «Италия в виду!», «Мы объезжаем Мальту!» И минуту спустя я уже кричал: «Земля!» Вот мы высадились в Палестине. В ушах раздается средневековый боевой клич: «Монжуа и Сен-Дени! Монжуа и Сен-Дени!...» У меня начиналась морская болезнь и тоска по родине, но священная война вдохновляла меня вновь – так я одновременно развивал свое воображение и упражнялся в географии.

Остальные действующие лица были большей частью вымышленные. Дитя подобно Дон Кихоту: заброшенная беседка превращается у него в сторукого великана Бриарея, а бочка заменяет дракона Андромеды. Голову к этой бочке я приделал из тыквы, а крылья – из двух зонтов. Это чудовище было помещено на повороте аллеи и повергало в ужас своим грозным видом. Казалось, оно вот-вот накинется в ярости на терракотовую нимфу. И вот я, как мужественный Персей, отправлялся за ним в погоню верхом на невидимом крылатом коне и вооруженный с

головы до ног стрелами... Но когда я нацеливался в чудовище, косоглазая тыква бросала на меня молниеносный взгляд, способный обратить в бегство даже Персея.

Создания моего воображения сводили меня с ума благодаря ролям, которыми я их надеялся. Но так как я всегда играл роль героя и победителя, я легко подавлял свой страх – при свете дня, конечно. По ночам, когда путешественник и рыцарь снова превращался в мальчугана-карапуза Николая Вермона, бочка все еще оставалась чудовищем. И глубоко уткнувшись в подушки, весь охваченный настроением последней тетиной сказки, я видел сад, населенный моими фантастическими чудовищами, видел, как Бриарей стоит на часах, как восставшая от смерти бочка тарасит свои зонтичные когти и подстерегает меня за окном.

В детстве я почти потерял надежду, что я буду когда-нибудь, как все, и перестану бояться теней. И все же тысячеликая смерть, грозившая мне ежеминутно, потеряла всякую власть надо мной. Я готов был встретить ее взволнованный, но не трусливый. И теперь этот дикий лес без чародеев и фей казался мне слишком пустынным.

Когда я дошел до этого пункта в своих грезах, со стороны Фонваля раздался неопределенный гул. Мычал бык. И как будто завывали в отдалении собаки... Потом все умолкло снова.

Через несколько мгновений где-то между мною и замком заплакала сова. Вот одна вылетела из гнезда, за ней другие. Как будто их напугало какое-то приближающееся к нам существо.

И действительно, я услышал топот четвероногого животного. Оно двигалось по извилистым дорожкам, точно запутавшись в них, и наконец предстало передо мной.

Большие ветвистые рога. Гордая шея. Тонкие уши. Нет никакого сомнения – это олень. Но как только я это подумал, он почуял меня, отступил немного и бросился назад...

Тело его было странно легким и тощим, а шкура, может быть из-за освещения, казалась совершенно белой. В следующий миг олень исчез. Вот его галоп послышался уже далеко, и все снова затихло.

Что это? Принял ли я козла за оленя или, наоборот, оленя за козла? Надо сознаться, я был весь охвачен любопытством. И задавал себе вопрос: не обрету ли я снова в Фонвале свою детскую веру, которую когда-то там похоронил? После некоторого рассуждения я пришел, однако, к тому выводу, что голод, усталость и дремота легко могут в сообществе с лунным светом навеять недобрый обман, и существо, представившееся мне в этом освещении, не есть еще феномен.

А жалко! Я давно уже перестал испытывать страх перед чудесами, но любовь к ним я еще сохранил.

Чудесное все еще пленяет меня. Ребенком я замечал его повсюду. Юношей я истолковывал как чудо все новое, все необъяснимое. И в мысли философа: «Если вода придает палке излом, мой рассудок ее снова выпрямляет», – вторая часть мне до сих пор неприятна. Сколько бы я дал за то, чтобы не знать, что без преломления лучей божественный стрелок Феб не натянул бы своей прекрасной и грозной тетивы – радуги!

Но даже когда стараешься рассеять иллюзию чудесного, ты продолжаешь чувствовать волшебное очарование. Ты говоришь себе: «Может быть, это чудо. Но это только предположение. Надо лучше разглядеть, чтобы лучше воспринять его...» И ты приближаешься... истина выступает ярче, и чудо гаснет. Меня и таких, как я, тайна чарует уже самым своим покровом, и я не желаю ничего большего – даже при риске быть грубо обманутым, – как только осветить этот покров...

Короче, животное было действительно редкостное.

И я витал в области непостижимого, находя все это страшно загадочным; мое любопытство росло.

Я устал до смерти и заснул. Но мой мозг работал; все время во сне я выполнял головоломную работу хитроумнейшего сыщика.

Я проснулся на рассвете и сейчас же почувствовал свое освобождение.

Сквозь чащу по направлению ко мне шли люди. Говорили друг с другом. Шли по перепутанным, сбивчивым дорожкам. Они приближались, невидимые мне, к автомобилю и были уже в нескольких метрах от меня. Но из их разговора я ничего не мог понять. Мне казалось, что они говорят по-немецки.

Наконец они появились на том самом месте, где раньше показалось животное. Их было трое. Все они упорно вглядывались в дорожку, точно искали на ней чей-то след.

На том месте, где исчезло животное, один из них что-то закричал; из жестов его можно было понять, что они, по его мнению, пошли по неверному пути. Вдруг они заметили меня, и я подошел к ним.

– Господа, – сказал я с самой любезной улыбкой, – не будете ли вы так добры и не покажете ли мне дорогу в Фонваль. Я заблудился...

Все трое молча злобно смотрели на меня с инквизиторским видом.

Жутко комическое трио!

У первого на плотном, коренастом туловище сидела такая круглая и плоская физиономия с воткнутым в нее тонким и острым носом, что можно было принять его за солнечные часы.

Второй держался навтыжку, по-военному. Борода его могла служить рекламой парикмахеру. Его острый подбородок загибался кверху, как носок башмака.

Третьим был высокий старик, в золотых очках с седыми курчавыми волосами и совершенно спутанной бородой. Он пожирал вишни с таким чмоканьем, с каким крестьянский парень уписывает клецки. Это, конечно, немцы. Наверно, это те три препаратора из бывшего анатомического института.

Прежде всего огромный старик выстрелил мне в лицо градом косточек, а в своих друзьях каким-то исконно немецким предложением, заряженным словесной картечью и целой грудой нечленораздельных звуков. Все трое обменялись такими же фразами наподобие громовых раскатов, не обращая на меня никакого внимания. Досыта наговорившись – они называли это «держать совет», – они повернулись ко мне спиной, не дав мне даже времени оправиться от оцепенения, вызванного их грубостью...

Что это? Эта экспедиция с каждой минутой делается смешнее! Что все это значит? Что за комедия! В конце концов, здесь надо мной потешаются! Я расвирепел. Эти прелести детства, которые мне хотелось восстановить, – глупейшее ребячество, вызванное усталостью и темнотой. Прочь! И кончено! Прочь отсюда!

Я завел и пустил в ход машину так, что все ее 80 лошадиных сил, как рой в улье, зашумели под чехлом. Ну же, рычаг! Вдруг позади меня раздался раскатистый смех.

С фуражкой на боку, в синей блузе, опоясанный сумкой, бодрый и торжествующий, появился передо мной почтальон.

– Ха-ха! Разве я вам сразу не сказал... вчера вечером... что вы застрянете, – проговорил он сквозь смех.

Я узнал в нем крестьянина из Грей л'Аббе, но со злости не хотел отвечать ему.

– Вы хотите проехать в Фонваль? – спросил он.

Я пожелал ему вместе с Фонвалем провалиться к дьяволу.

– Если хотите туда, я вам охотно покажу дорогу. Мне все равно надо отнести письма. Но поторопитесь. У меня сегодня вдвое больше корреспонденции – сегодня понедельник. А по праздникам я не разношу.

Он вытащил из сумки письма и повертел их в руке.

– Покажите-ка! – вскричал я. – Ну конечно! Мое письмо, вот в этом самом желтом конверте...

Он посмотрел на меня недоверчиво снизу вверх и только издали показал мне письмо.

Это было извещение о моем приезде. Но, вместо того чтобы прийти на день раньше, оно достигло места назначения на одну ночь позднее меня.

Эта неудача оправдывала дядю, и моя ярость утихла.

– Садитесь, – сказал я. – Вы мне покажете дорогу, и... мы немного поболтаем...

Мы двинулись навстречу утру. Густой туман начал рассеиваться. И наконец последний остаток ночи исчез бесследно, как ненужное больше облачение рассеявшихся призраков.

Глава II

Среди сфинксов

Автомобиль медленно продвигался по извилистым дорогам. В некоторых местах, где кривая дороги сама себя пересекала, колебался даже почтальон.

– С каких это пор прямая как стрела аллея уступила место этим зигзагам? – спросил я.

– Уже четыре года, сударь. Приблизительно год назад господин доктор закончил все это устройство.

– Не знаете ли вы, зачем это?.. Вы можете говорить спокойно. Я племянник профессора.

– Ах вот как! Оттого... оттого что... он такой необыкновенный.

– Что же в нем особенного?

– Боже мой, да ничего! Его почти никогда не видно. Но это только теперь, а раньше, прежде чем он устроил эти... пьяные дороги, его можно было встретить часто, он ходил гулять в поле... Но с тех пор... он только раз в месяц выезжает в Грей.

Да, это было очевидно. Все его странности стали проявляться в одно время. Этот сад-лабиринт и странный стиль его писем совпадали во времени. Что могло так тяжело повлиять на его душу?..

– А его товарищи по работе, эти немцы... здесь?

– Да, но их совсем не видно! Впрочем... я почти шесть раз в неделю прихожу в Фонваль и не припомню, чтобы я когда-нибудь заглянул в сад. Господин Лерн сам подходит к калитке и принимает у меня письма. Ах, какая перемена! Вы знали старого Жана? Его прогнали. И его жену тоже. Вы не поверите, сударь: без кучера, без экономки, без лошади!

– Все четыре года, да?

– Да, сударь.

– Скажите, почтальон, здесь много дичи?

– Нет, не знаю. Пара кроликов. Два или три зайца... Лисицы... да, лисиц слишком даже много.

– Как? Ни козлов, ни оленей?

– Нет!

Какая-то особенная радость охватила меня.

– Мы приехали, сударь...

И действительно, мы выбрались из последнего завитка дороги и выехали на остаток некогда прямой аллеи, по обе стороны которой стояли стеной старые липы. Казалось, замыкающие ее ворота бежали нам навстречу. Перед воротами аллея расширилась в виде полукруга, образуя широкую площадку. Позади виден был замок, возносивший свою зеленую крышу поверх зелени деревьев, обступивших его со всех сторон.

Ворота были в стене, которая тянулась от одной границы оврага до другой, поперек дороги. Как постарели эти ворота под своей черепичной крышей!.. Карниз облупился, дерево источено червями и местами съедено совсем... но звонок, звонок звучал по-прежнему.

Так радостно, далеко, так чисто прозвенел он, что я чуть не расплакался...

Прошло несколько мгновений.

Наконец загремели чьи-то деревянные башмаки.

– Это вы, Гильото? – спросил голос, с совершенно зарейнским акцентом.

– Да, месье Лерн.

Лерн! Я широко раскрытыми глазами смотрел на своего спутника! Как! Это голос моего дяди?..

– Вы сегодня рано, – прозвучал голос снова.

Прозвенели засовы. Через отверстие просунулась рука.

– Дайте сюда.

– Вот, месье Лерн. Но... здесь со мной... Приехали... – осторожно произнес почтальон.

– Кто? – послышалось изнутри, и тот, кто это прокричал, выглянул в щель калитки.

Да, это был мой дядя Лерн. Но как странно он изменился, как страшно постарел! Какой дикий, запущенный вид! Седые и слишком длинные волосы свисали мочалкой на его плечи и спину, покрытые какой-то ветошью.

Передо мной стоял слишком рано и тяжело состарившийся человек с враждебно обращенными ко мне злыми глазами и нахмуренным лбом.

– Что вам угодно? – сказал он, а произнес: «Што фам уготно?»

Я колебался одну секунду. Ни одной черточки в лице, напоминающей прежнюю милую старую даму, – нет, какая страшная рожа! Мне было не по себе; я узнавал его и все же он был неузнаваем.

– Дядя! Дядя! Дядя! – сказал я запинаясь. – Это я... я приехал к вам в гости... с вашего позволения... Я вам писал... только письмо... вот оно... Мы прибыли в одно время. Простите, что я так необдуманно...

– Ага! Хорошо! Приходится сказать «хорошо»... Но, дорогой мой племянник, я должен просить у вас прощенья...

Какая перемена! Лерн оправился, покраснел, подтянулся и почти стал тоньше. Такое смущение передо мной... мне было больно.

– Ха-ха! Вы с машиной! Гм!... Ее тоже надо сюда, не правда ли?

Он открыл ворота.

– Здесь часто бываешь сам себе слуга, – сказал он под скрип петель.

Дядя мой неуклюже взялся за дело. Но видно было, что ему неловко и неприятно и что мысли его далеко.

Почтальон ушел.

– Каретный сарай все еще там? – спросил я, указывая на кирпичное здание.

– Да-да... Я вас не узнал из-за бороды... Гм! Да, борода... Ведь ее раньше не было, хе-хе... Сколько вам теперь лет?

– Тридцать один, дядя.

Когда я взглянул на каретный сарай, у меня сжалось сердце. Стены его были покрыты плесенью и наполовину облупились; как здесь, так и в конюшне навален был всевозможный хлам. С крыши вместо прежних лепных украшений фестонами свисала паутина.

– Вам уже тридцать один, – повторил он машинально и, видимо, рассеянно.

– Но говорите мне ты, как прежде, дядя!

– Да, правда, дорогой... э... э... Николай, да.

Как я был смущен всем этим! Ясно, что мое присутствие было ему в тягость.

Но мне интересно было узнать, почему именно я являюсь нарушителем его покоя. Я взял свой чемодан.

Лерн заметил это и решительно, даже в тоне приказания сказал:

– Оставьте... э... оставь! Оставь, Николай! Я сейчас прикажу отнести твой багаж. Но поговорим сперва... Пройдемся немного.

Он взял меня под руку и повел по направлению к парку. Но он все еще о чем-то про себя думал.

Мы обогнули замок. Здесь и там спущенные жалюзи. Местами облупленная, местами совершенно обвалившаяся крыша. Из-под наружной штукатурки во многих местах виднелся голый камень. Так же как и прежде, здание окружали растения в кадках, но все эти померанцевые, гранатовые и лавровые деревья уже несколько лет подряд были предоставлены суровой зимней стуже. Они погибли в своих растрескавшихся и сгнивших кадках. А передняя пло-

щадка могла вполне сойти за задний двор – столько на ней росло всякого бурьяна и крапивы. Это был замок Спящей красавицы до появления юного принца.

Лерн молча шел рядом со мной.

Мы обошли печальное здание, и парк, вернее девственный лес, открылся моим взорам. Ни цветочных клумб, ни усыпанных мелким песком дорожек. Лужайка перед замком превращена была в пастбище и огорожена проволокой. По некоторым направлениям можно еще было проследить прежние аллеи, но они заросли густой чащей кустарника. Сад скорее походил на лес с просеками и зелеными тропинками.

Лерн очень озабоченно и даже как будто взволнованно набил трубку, зажег ее, и мы вступили в чащу.

Мне захотелось увидеть снова мои статуи. Я не верил своим глазам. Прежний расточительный владелец замка щедро разукрасил ими когда-то свой парк. Но что случилось с ними, товарищами моих фантастических игр? Они оказались жалкими рыночными произведениями какого-то фабриканта Второй империи, отлитыми из чугуна. Пеплумы из бетона выщвели в кринолины, а античные верхние одеяния казались какими-то турецкими шальями. Лесные и луговые боги, Эхо, Сирикс и Аретуза, украсились шиньонами. Наши современные изображения идолов, эти отвратительные фабрикаты пошлых фантастов, обвивающих лесных богов виноградными листьями, все-таки лучше этих мещан в вакхических венках.

Мы шли молча несколько времени по парку. Вдруг дядя указал на покрытую мохом скамейку в тени разросшегося орешника. Только мы уселись, как в чаще над нами раздался легкий треск.

Лерн вскочил в ужасе и вытянул голову.

Это была белка, наблюдавшая нас сверху.

Но дядя смотрел на нее с яростью, пожирая ее глазами; а потом вдруг расхохотался в внезапном приливе добродушия.

– Ха-ха-ха! Это всего только маленькая... штука, – сказал он, не находя нужного слова.

«Как это верно, – подумал я про себя с грустью и волнением, – что старики становятся детьми. И конечно, в этом виноваты окружающие, у которых против воли перенимаешь про изношение и поведение. А среда, в которой живет Лерн, прекрасно объясняет, почему дядя так нечистоплотен, почему он так бессвязно и с акцентом говорит, почему он курит такую вонючую трубку... Он уже больше не любит цветов, не ухаживает больше за ними. Он такой нервный и так расстроен душевно... Если вспомнить еще вчерашнюю ночь, дело принимает совсем дурной оборот...»

Все это время профессор взглядывал на меня украдкой острым и беспокойным взглядом и исследовал меня, как будто он видел меня в первый раз в жизни. Видно было, что он рассуждал на всякие лады, принимая и отбрасывая сотни решений и снова к ним возвращаясь. Каждое мгновение наши взгляды скрещивались и наконец остановились друг на друге. Дядя, который, очевидно, больше не в силах был сдерживаться, с решимостью обратился ко мне.

– Николай, – произнес он, ударив меня по плечу, – знаешь, ведь я разорен!

Я насквозь видел его намерение и возразил:

– Дядя, говорите прямо, вы хотите от меня избавиться?

– Я? Дитя, что за мысли!..

– Определенно. Я в этом совершенно убежден. Ваше приглашение было достаточно нерадушно, а ваш прием очень мало любезен. Но, дядя, у вас необыкновенно короткая память, если вы думаете, что я приехал сюда ради наследства. Я вижу: вы уже не тот дядя Лерн. Правда, я это давно уже понял по вашим письмам, но то, что вы остановились на таком неудачном предлоге, для того чтобы прогнать меня отсюда, меня очень, очень удивляет. Я за эти пятнадцать лет не изменился. Я не перестал уважать вас всей душой и заслужил большего, чем ваши ледяные письма и в заключение еще такое оскорбление.

– Ну-ну-ну! Ты все такой же недотрога! – сказал Лерн вспльщиво.

– Нет! – продолжал я. – А если вы так хотите, чтобы я немедленно убрался отсюда, скажите мне это спокойно. Я жду! Но, дядя, вы ли это?

– Ты оскорбляешь меня, Николай!

Он произнес это с таким испугом, что я назло ему прибавил еще угрозу:

– Я еще о вас расскажу, господин профессор, о вас и ваших товарищах, о всех ваших колдовских затеях.

– Ты с ума сошел... совсем с ума сошел! Замолчишь ли ты? Вообразить нечто подобное! Дурак!

И Лерн расхохотался.

Но его глаза – не знаю почему – внушали мне страх, и я пожалел о том, что сорвалось у меня с языка.

– Николай, – сказал доктор. – Не воображай ничего такого. Ты славный мальчик. Дай мне руку. Ты найдешь во мне опять твоего прежнего любящего дядю. Слушай, это неправда, что я разорен, и мой наследник когда-нибудь кое-что получит... Если все будет по-моему. Но... мне все-таки кажется, что лучше тебе здесь не задерживаться... Здесь ничего нет такого, что могло бы доставить удовольствие такому молодому человеку, как ты, милый Николай. Я целый день занят...

Профессор мог говорить сколько ему было угодно. Каждое его слово звучало притворством, и он все больше казался мне Тартюфом, с которым излишни были всякие меры предосторожности и которого можно было провести как угодно. Я решил, что останусь здесь и не уеду, пока мое любопытство не будет удовлетворено вполне.

Я прервал его и сказал, как бы совершенно сдаваясь:

– Да-да, я вижу, вы намекаете на то, что я должен отсюда уехать. Так и есть, я потерял ваше доверие, я это чувствую...

Он опровергнул это движением руки. Но я продолжал:

– Ну тогда разрешите мне остаться. Только таким образом можно восстановить нашу дружбу. А это необходимо и полезно для нас обоих.

Лерн пошевелил бровями и сказал шутливо:

– Ты, значит, во что бы то ни стало хочешь меня предать, олух ты этакий?

– Нет. Но если вы не хотите меня огорчить, не прогоняйте меня. И скажу вам прямо, – прибавил я, дурачась, – я буду верующим...

– Послушай, – энергично остановил меня дядя, – у нас тут ничего плохого не делается, абсолютно ничего!

– Абсолютно? У вас тут тайны... Но это ваше право иметь секреты. И если я о них говорю, то только для того, чтобы уверить вас, что я отнесусь к ним с полным уважением.

– Только одна. Одна-единственная тайна. И цель ее благотворна и благородна, – проскандировал дядя со все возрастающим оживлением. – Единственная, слышишь? Наша работа ведет к исцелению, славе и деньгам... Но обо всем этом и о нас самих надо молчать. Тайна? Весь мир знает, что мы здесь, что мы работаем! В газетах об этом писали! Значит, никакой тайны здесь нет!

– Успокойтесь, дядя, и обойдитесь со мной немножко любезнее. Положитесь на мою скромность...

Лерн продолжал свои рассуждения.

– Ну да, – сказал он, подняв брови. – Так оно и должно быть. Я всегда к тебе хорошо относился и теперь не должен тебя отталкивать. Это значило бы отвергнуть все прошлое. Ну оставайся, только под условием. Мы здесь производим исследования, которые близятся к концу. Как только мы усовершенствуем наше открытие, мы его сейчас же опубликуем. Но до тех пор я не хочу осведомлять никого о наших еще незаконченных опытах и достигнутых ими резуль-

татах, потому что это нам может создать только конкуренцию. Я нисколько не сомневаюсь в твоей скромности, но я все-таки не хотел бы подвергать ее испытанию и, в твоих же собственных интересах, прошу тебя ничего не оглашать, пока это тебе не будет разрешено. Я сказал: «в твоих собственных интересах». Не потому только, что лучше молчать, чем болтать, а еще вот по каким основаниям. Наше дело, в конце концов, – дело коммерческое. Нам очень полезен будет человек с торговым опытом. Мы разбогатеем, племянничек, неслыханно разбогатеем. Предоставь мне спокойно создавать твое состояние и с сегодняшнего дня держи себя, как человек тактичный и строго уважающий мои приказания, если хочешь быть нашим союзником. Притом я здесь не один в этом предприятии. Если ты сделаешь что-нибудь против правил, которые я тебе изложу, тебе придется раскаяться... страшно раскаяться... больше, чем ты себе можешь представить. Итак, постарайся быть индифферентным ко всему, что здесь происходит, дорогой племянник. Ты ничего не должен ни видеть, ни слышать; будь туп, ничего не понимай, будь мертвецом, если хочешь разбогатеть... и если... не хочешь погубить своей молодой... цветущей... жизни... Да, я знаю, равнодушие – добродетель нелегкая... особенно здесь, в Фонвале! Здесь, вне замка, сегодня происходили вещи, которые не должны были происходить, и случились только по недосмотру...

При этих словах ярость снова нахлынула на профессора, и он со сжатыми кулаками угрожающе забормотал:

– Вильгельм! Тупоумный осел!

Теперь я был уверен, что проникну в эту тайну и найду объяснения многим милым сюрпризам. Ни обещаниям, ни угрозам дяди я не придавал никакого значения; я понимал, что он пускает в ход это оружие только для того, чтобы держать меня в руках.

Я холодно ответил:

– И это все... что вы от меня хотите?

– Нет. Еще следующее... Еще другие запрещения, Николай. Сейчас там, в замке, я тебя представлю одной особе... Я сюда пригласил... одну молодую девушку...

У меня вырвался жест удивления, и Лерн догадался, в чем я его подозреваю.

– Нет, нет, нет! – воскликнул он. – Это дитя, мой друг, и ничего больше! Эта дружба мне очень дорога, и мне было бы очень больно ослабить ее чувством, которого я уже не могу внушить. Короче, Николай, – быстро и не без смущения проговорил он, – я требую от тебя обещания не ухаживать за моей протеей.

Я был очень обижен таким недостойным и неделикатным подозрением. Но подумал, что ревности без любви, как дыма без огня, не бывает...

– За кого вы меня принимаете, дядя? Уже достаточно того, что я ваш гость.

– Хорошо. Итак, я могу на тебя рассчитывать... Ты клянешься мне? Что касается ее, – продолжал он с хитрой улыбкой, – то в данный момент я спокоен. Она только что видела, как я обращаюсь с любовниками... И я бы тебе не советовал производить опыты в этом направлении...

Лерн поднялся и, положив руки в карманы, с трубкой в зубах насмешливо и испытующе посмотрел на меня.

Этот выдающийся ученый-физиолог вызывал во мне какую-то непреодолимую антипатию.

Мы прошли дальше в глубь парка.

– Между прочим, ты говоришь по-немецки? – спросил Лерн.

– Нет, дядя. Я знаю только французский и испанский языки.

– И даже английского не знаешь? Слабо, слабо для будущего коммерсанта! Немногому тебя научили!

(Дальше, дальше, дядюшка! Я уже начал широко раскрывать глаза, которые вы велели мне держать закрытыми, и я уже заметил, сколько фальши во всех ваших изъявлениях.)

Мы шли вдоль скалистой стены к выходу из парка. Из чащи выступили два боковых флигеля замка.

Мне показалось странным поведение голубя. Птица описывала в воздухе круги, все ускоряя биение своих крыльев, все суживая кольца, и вдруг стремительно упала.

– Посмотри на эти розовые кусты. Совершенно дикие. Лишившись ухода, они снова сделались, чем были раньше: дикие, желтые...

– Посмотрите на голубя! Как странно! – заметил я.

– Нет, погляди на эти цветы, – настаивал Лерн.

– Как будто его подстрелили... На охоте так бывает. Он забирается все выше, выше, выше и наконец умирает на самой высшей точке.

– Смотри себе под ноги, споткнешься! Смотри же, говорят тебе! Надо быть осторожным. Это поспешное, ворчливое и угрожающее предостережение было совершенно не к месту.

Но птица, достигнув высшей точки спирали, вдруг упала, кувыркаясь в воздухе и несколько раз перевернувшись. Она ударилась недалеко от нас о скалу и скатилась в чашу...

Почему так забеспокоился профессор? И почему так ускорил шаги? Пока я задавал себе эти вопросы, трубка выпала у него изо рта. Я поспешно поднял ее и у меня вырвался крик изумления: он с каким-то безумием начисто откусил мундштук под аккомпанемент какого-то немецкого слова, без сомнения, проклятия...

Навстречу нам неслась толстая женщина с развевающимся синим передником.

Видно было, что такое физическое упражнение было для нее фактом совершенно исключительным и необычным. Ее страшно качало, и она поддерживала и прижимала к себе, ладонями и руками, две дорогие ей непослушные огромные массы. Увидев нас, она остановилась, но это было трудно, и она поддалась еще немного вперед. Потом она, видно, захотела отступить назад и все-таки продолжала идти вперед, сохраняя на лице выражение кающейся грешницы или провинившейся школьницы. Она предчувствовала свою судьбу.

Лерн накинута на нее.

– Барбара, что вы делаете? Вы забыли, что ли!.. Я вам строго-настрого запретил даже нос высовывать дальше луга. Я вас прогоню ко всем чертям! Но раньше вы мне за это заплатите! Вы знаете меня!

Толстая женщина страшно струсилась. Она захотела прикинуться кроткой и, сложив рот, как будто собиралась снести яйцо, начала оправдываться: она заметила из кухни, как упал голубь, и подумала, что это будет прекрасное добавочное блюдо к столу, который так однообразен...

– Да и притом, – глупо добавила она, – я не думала, что вы в саду. Мне казалось, что вы в лаб...

Грубая пощечина оборвала ее речь на первом слоге слова «лабиринт», как я решил.

– Дядя! – вскричал я с укором.

– А теперь убирайся вон... немедленно! Поняла?

Перепуганная женщина не плакала. Она только сдержанно всхлипывала и побелела как смерть. Только на одной щеке зарделись следы костлявой профессорской руки.

– Возьми в сарае багаж этого господина и отнеси его в Львиную комнату.

(Она находилась в первом этаже западного флигеля.)

– Дядя, почему вы меня не помещаете в моей прежней комнате?

– В какой это?

– В какой? Да в той... нижней, желтой, на восточной стороне. Вы ведь знаете!..

– Нет, она мне самому нужна, – отрезал он. – Марш, Барбара!

Кухарка бежала что было мочи, прижимая к передней части своей особы руки, между тем как бока, предоставленные всем превратностям судьбы, свободно качались по сторонам.

С правой стороны – пруд. Мы молчаливо обогнули его сонную поверхность.

С каждым шагом меня охватывало все большее удивление. И все-таки я старался казаться не слишком изумленным.

Вдруг я увидел строение, сложенное из серого камня и прислоненное к скалистой стене. Это было новое и довольно обширное помещение, разделенное двором на две части. Высокая стена и мгновенно закрывшиеся ворота не позволили мне заглянуть внутрь, но оттуда послышалось птичье хлопанье. Собака почуяла нас и залаяла.

Я рискнул спросить:

– Вы позволите мне посмотреть эту ферму?

Лерн пожал плечами:

– Возможно, возможно.

Потом он крикнул в сторону дома:

– Вильгельм! Вильгельм!

Немец, с лицом похожим на солнечные часы, открыл круглое оконце в воротах, и профессор обратился к нему на его родном языке с речью, которая бросила беднягу в дрожь.

«Черт возьми! – сказал я себе. – Так это мы тебе и твоей небрежности обязаны тем, что вне замка этой ночью случилось то, чего не должно было случиться, – ясно, ясно!»

После окончания экзекуции мы двинулись дальше вдоль луга. На нем паслись четыре коровы и один черный бык. Почему-то это стадо нам устроило проводы. Мой свирепый родственник вдруг повеселел.

– Николай! Познакомься! Вот Юпитер. Вот белая Европа. Рыжая По и блондинка Атор. А вот Пасифая в пятнистом облачении. Не то чернила с молоком, не то уголь с мелом, как тебе угодно, друг мой.

Это обращение к мифологии заставило меня улыбнуться. Мне нужно было подбодриться. Это была прямо физическая необходимость. Притом я почувствовал такой голод, что самым интересным для меня вопросом было насыщение. Меня привлекал один только замок, как бы говоря: «Да, там ты сможешь поесть!» И мне нисколько не хотелось задерживаться ради осмотра находящейся рядом оранжереи.

А это было досадно. К бывшей оранжерее приделали две пристройки: к первоначальному круглому зданию прибавились по бокам две пузатые баржи. Закрытые ставни делали и это строение вполне соответствующим общей обстановке. Дворец и садоводство вместе. Тут, так сказать, открывался великолепный вид на самые неожиданные вещи.

Оранжерея так разукрашена! Я был бы гораздо менее поражен, если бы в каком-нибудь монастыре открыл любовный напиток!

При жизни моей тети Львиная комната всегда предназначалась для гостей. В ней были тогда – и теперь еще – три окна с глубокими нишами. Одно окно, обращенное к оранжерее, выходило на балкон. Из другого виден был парк; сейчас передо мной пастбище, дальше пруд, а между ними нечто вроде дачной беседки, которая в детстве изображала в моей фантазии сторукого великана Бриарея. Из третьего, бокового окна виден восточный флигель замка с закрытым окном моей прежней комнаты и в перспективе весь фасад замка.

Я здесь, как в гостинице. Никаких воспоминаний. Обои испещрены пятнами сырости, в одном углу они даже совсем оборвались. На сохранившихся местах множество красных львов с шарами в лапах. Тот же рисунок на портьерах, занавесях, на кровати. Кроме того, две гравюры: «Воспитание Ахилла» и «Похищение Деяниры». Но от сырости лица и фигуры этих персонажей покрылись веснушками, а спина кентавра Хирона сделалась похожа на гнилое яблоко. Зато здесь были красивые нормандские часы с фигурами. Все это было старомодно и красиво.

Я окатил себя холодной водой и с наслаждением облачился в свежее белье. Барбара без стука вошла в комнату, неся тарелку бульона; не ответив ни звуком на высказанное мною ей соболезнование по поводу ее воспаленной щеки, она, как гигантская сальфида, отступила и с трудом пролезла обратно в дверь.

В гостиной – ни живой души. Вот маленькое, черное, бархатное кресло с двумя желтыми кистями и провалившимся сиденьем. Неужели я вижу тебя снова? На нем витает тень моей тети-рассказчицы. А скромная тень милой мамы разве не покоится локтями своими на твоих ручках?

Все на своем месте. Начиная с белых обоев с гирляндами цветов до желтых ламбрекенов с висячими кистями – все чудесно сохранилось со времен прежнего владельца замка. На софах, всевозможных стульях, креслах, шезлонгах и других предметах для сидения лежали горы подушек.

Со стен улыбалась мне вся моя угасшая родня: предки, рисованные пастелью, деды в миниатюрах, дагеротип моего отца еще учеником и на убранном вазами, бантами и кистями камине несколько фотографий перед зеркалом. Одна большая группа возбудила во мне особое внимание. Я взял карточку в руки, чтобы рассмотреть ближе. Это был снимок дяди, окруженного пятью мужчинами и с большим сенбернаром, лежащим у его ног. Снято в Фонвале. В качестве заднего плана – стена замка, а в качестве статиста – розовой куст в кадке. Любительский снимок без подписи.

Лицо Лерна светится добротой, силой, умом; это именно тот большой ученый, которого я надеялся здесь найти. Из пяти мужчин трое мне знакомы – это немцы, остальных я никогда не встречал.

В это время дверь так внезапно открылась, что я не успел поставить фотографии на место. Лерн вошел, пропустив вперед себя молодую женщину.

– Мой племянник Николай Вермон, мадемуазель Эмма Бурдише.

Как видно, мадемуазель Эмма выслушала только что одну из тех нотаций, которыми Лерн так охотно наделял своих домочадцев. Ее растерянный вид подтверждал мою догадку. Она даже не в силах была мне любезно улыбнуться, а только бегло и неловко кивнула головой.

Я отвесил ей глубокий поклон и не смел поднять глаз из страха, что дядя прочтет что-нибудь в моей душе.

Моя душа! Если под этим словом понимают только сумму всех тех свойств, из которых вытекает, что человек единственное высокоорганизованное животное, то я не должен соваться здесь со своей душой. Да, так будет лучше...

О, я хорошо знаю: пусть всякая, даже самая чистая любовь по существу не что иное, как животное влечение полов, все же уважение и дружба глубоко облагораживают человека.

Ах! Моя страсть к Эмме все время оставалась в зачаточном состоянии. Если бы Фрагонар захотел изобразить нашу первую встречу и нашу любовь во вкусе восемнадцатого столетия, я посоветовал бы ему сначала набросать маленького Эроса на высоких козлиных ногах, Купидона без улыбки и без крыльев с деревянными окровавленными стрелами, и все это, без колебаний, назвать Паном. Это и есть мировая любовь, плодоносное сладострастие, чувственный повелитель жизни.

Существует ли различная степень женственности? Если да, то я никогда еще не видел женщины, которая была бы в более полной мере женщиной, чем Эмма. Я не в состоянии описать ее объективно. Я не освободился еще от ее очарования. Красива она была? Без всякого сомнения. Соблазнительна? Еще более, чем по первому от нее впечатлению.

Я припоминаю ее огненные волосы какого-то тусклого бронзового цвета, может быть, искусно и искусственно выкрашенные. И весь ее телесный образ возбуждает во мне страстное желание. Это то именно до высшей степени совершенства расцветшее и округленное, исполненное соблазнительных очертаний существо, которое мудрая и озабоченная отбором природа заставляет назло всем плоскогрудым женщинам звенеть и петь в сердце мужчины...

Никакие одежды моей Эммы не в силах были скрыть эту сверкающую округленность, лежавшую в основе всего ее образа; наоборот, они еще удваивали привлекательность каждого изгиба, полуоткрывая скрытые чудеса.

Но лучше всего было в этом достойном поклонения создании...

Кровь дико застучала у меня в висках, и меня охватила безумная ревность. Только в одном случае я отказался бы от этой женщины, только в том случае, если она никогда в жизни ни на кого не поднимет даже глаз. И если раньше Лерн показался мне неприятным, теперь он был мне мерзок. С этой минуты я решил: я останусь здесь во что бы то ни стало!

Надо было что-нибудь сказать. Нападение было внезапное и стремительное. Чтобы не выдать того, что зародилось в глубине моей души, я, отчаянно запинаясь, произнес:

– Я, дядя, рассматривал эту фотографию...

– Ага! Это я и мои сотрудники: Вильгельм, Карл, Иоганн. А это вот мистер Мак-Белл, мой ученик. Он очень хорошо вышел... Не правда ли, Эмма?

Он держал снимок прямо перед ее носом так, что ей могло показаться, что гладко выбритый на американский манер, невысокого роста молодой человек повалился на сенбернара...

– Франтоватый и остроумный малый, не правда ли? – насмехался профессор. – Шотландец по происхождению.

Эмма не выдала себя. Отчетливо и медленно она сказала:

– Его Нелли проделывала замечательные штуки...

– А Мак-Белл? – пустил шпильку дядя. – Он разве не делал сам замечательных штук?

Подбородок девушки вздрогнул, как от надвигающихся слез, и она прошептала:

– Несчастный Мак-Белл!

– Да, – обратился ко мне Лерн, заметив мое удивленное лицо, – господин Донифан Мак-Белл принужден был вследствие некоторых печальных обстоятельств покинуть замок... Я хотел бы, чтобы судьба избавила тебя, Николай, от подобных неприятностей.

– А другой? – спросил я, чтобы переменить разговор. – Вот этот господин с усами и темными бакенбардами?

– Этот тоже уехал.

– Это доктор Клоц, – сказала Эмма, несколько оправившись, – Отто Клоц, и он...

Глаза Лерна сделались прямо страшными и заставили девушку мгновенно онеметь. Не могу сказать, какого рода кару обещал этот взор, но нечто вроде судороги пробежало по телу бедной молодой женщины.

В это время половина пышного тела Барбары просунулась в дверь, и она заявила, что все готово.

Она накрыла в столовой три прибора. Немцы, значит, остались в пристройке.

Завтрак прошел очень тоскливо. Мадемуазель Бурдише не решалась проронить ни одного слова, ничего не ела, и я ничего больше о ней не узнал.

Впрочем, мне страшно хотелось спать. После десерта я попросил разрешения удалиться, чтобы лечь спать, и попросил не будить меня до утра.

Вернувшись в мою комнату, я сейчас же стал раздеваться. Я был совершенно разбит этой бешеной ездой, всей этой ночью и таким странным утром. Слишком много загадок за один раз. Я был точно в тумане. Какие-то странные сфинксы с неразгаданным выражением на лицах обступили меня.

Мои подтяжки ни за что не хотели отстегнуться...

По двору шел Лерн со своими тремя сотрудниками, направляясь к серому зданию.

Они, должно быть, будут там работать, сказал я себе... Никто обо мне не думает; они не успели еще принять никаких мер предосторожности; дядя уверен, что я сплю... Теперь или никогда!.. Что раньше? Эмма? Или тайна?.. Гм, девушка сегодня очень расстроена... Что касается тайны...

Я надел пиджак и машинально передвигался от окна к окну.

Там против балкона... эта оранжерея с загадочными пристройками. Заколоченная, запретная, заманчивая...

Я украдкой вышел на двор и неслышными шагами направился к оранжерее.

Глава III Оранжерея

Я на дворе, без всякого прикрытия, и мне кажется, что меня подстерегают со всех сторон. Я бросаюсь в кусты, окружающие оранжерею. Затем сквозь чашу колючих и выющихся растений пробираюсь вперед. При этом приходится принимать тысячу предосторожностей, чтобы не зацепиться платьем за шипы и не порвать его, иначе это может завтра броситься в глаза.

Наконец я у входа в оранжерею. Я счел благоразумным сначала хорошенько осмотреться, не выходя из прикрывавшего меня кустарника.

Больше всего меня удивило то, что снаружи постройка содержалась в образцовом порядке. Все ставни были заботливо исправлены и спущены, и сквозь их щели блестели на солнце оконные стекла.

Я прислушался. Ни из замка, ни из серого здания не доносилось ни звука. И в оранжерее тоже глубокая тишина. На всем невероятный, гнетущий, полуденный зной...

Я отыскал в ставне отверстие и заглянул через стекло, но ничего не увидел. Окно изнутри было замазано чем-то белым. Я все больше убеждался в том, что Лерн, очевидно, отнял у этого здания его первоначальное назначение и в настоящее время в его стенах вряд ли занимается садоводством.

Мне пришла в голову счастливая догадка, что здесь, при этой температуре, выводятся культуры микробов.

Я обошел кругом весь стеклянный павильон. Везде непроницаемый белый слой на стеклах. Отдушины, против всякого ожидания, очень высоко. В боковых пристройках дверей не было. Сзади сюда проникнуть тоже было невозможно.

Обойдя кругом, я снова очутился против моего балкона и замка, но здесь негде было спрятаться, и, следовательно, это положение было очень опасно. Побежденный усталостью, я уже хотел отказаться от борьбы, вернуться в свою комнату и оставить непроницаемый питомник микробов в покое, не нанеся ему основательного визита, как вдруг последний взгляд, брошенный на оранжерею, открыл мне ее тайну.

Дверь была захлопнута, но только захлопнута, а не дожата до конца; язык замка торчал в воздухе и выдавал безумца, вообразившего, что он повернул ключ два раза в замке... Ах, Вильгельм, ты неоценимо рассеян!

При самом входе в теплицу мои бактериологические гипотезы сразу разрушились. Туча цветочных ароматов охватила меня – теплое, влажное облако, пропитанное никотином. До крайности удивленный, я остановился на пороге. Никакая царская оранжерея не произвела бы на меня такого впечатления. Роскошь бросилась мне в глаза, ослепляла и ошеломляла меня.

Целая скала певуче-яркой зелени...

Листья, как клавиши... многокрасочные тона цветов и плодов... Это был храм, в котором гаммы цветов складывались в мощный и красочный гимн.

Но вскоре глаз привык к этой ослепительной роскоши и мое удивление несколько ослабло. Этот зимний сад мог так пленить только в первую минуту. В действительности в расположении растений не чувствовалось никакой гармонии. Все было расставлено как по команде, в дисциплинарном порядке, без изящества, без вкуса... Все было распределено по категориям, горшки стояли по-военному, рядами, и на каждом красовался ярлык с надписью строго ботанического свойства. Это заставляло задуматься. Да и как, впрочем, мог я допустить, что Лерн в настоящее время будет заниматься садоводством только как любитель!

Я окинул оранжерею восхищенным взглядом; я смотрел на эти чудеса флоры, но ни одно название не было мне знакомо – я крайне невежествен в этой области. Я продолжал маши-

нально читать ярлыки, и вдруг все это изобилие, которое мне казалось таким невиданным и даже экзотическим, превратилось в то, чем было в действительности...

Не веря своим глазам и в то же время охваченный жгучим любопытством, я прирос глазами к кактусу...

Я очень устал, правда, но это не могло быть ошибкой, иллюзией...

Его красный цветок сводил меня с ума... Я не отрывал от него глаз, и мое изумление росло...

Несомненно! Этот одержимый нечистой силой цветок, эта волшебная ракета, взорвавшаяся красной звездой из зеленого стебля, – это был цветок герани.

Ближайшие три бамбуковых ствола вдоль всех своих сочленений поросли георгинами!..

Испуганно вдыхая все эти сверхъестественные запахи, я оглядывался вокруг и во всем и везде находил то же поразительное несоответствие.

Весна, лето и осень господствовали здесь в тесном содружестве. Все здесь цвело и наливалось. Но ни один цветок, ни один плод не сидел на естественном своем стебле или ветке... На кусте махровой розы голубым тирсом качался целый рой васильков. На концах иглистых веток араукарии цвели голубые колокольчики. И, вытянувшись шпалерой, братски обнимались, перепутав свои стебли, настурции с камелиями и разноцветными тюльпанами.

Против входной двери и вдоль стеклянной стены тянулся буйный кустарник. Один куст выделялся из своего ряда и бросился мне в глаза. Это было померанцевое деревцо, но на нем росли... груши!

Позади него, как в благословенной земле Ханаанской, дико переплетались виноградные лозы, обремененные гигантскими ягодами, то желтыми, то красными, как вино: это были сливы.

В ветвях карликового дуба рядом с желудями красовались грецкие орехи и вишни. Один из плодов не созрел и представлял собой какое-то странное сочетание зеленой шелухи ореха с красной вишневой мякотью. Это был серо-зеленый с красными крапинками безобразный нарост.

На ели вместо смолистых шишек росли каштаны и золотые апельсины, обливая ее сиянием многочисленных, солнц.

Немного далее я нашел еще более поразительное чудо. Здесь обнимались Флора с Помонной, как сказал бы добрый Демустье. Большая часть растений была мне незнакома; я запомнил и описываю только самые известные... Помню еще одну удивительную вербу, усыпанную гортензиями и пионами, ужившимися на одном стебле с персиками и земляникой.

Но самым прелестным из всех этих беззаконно скрещенных растений был розовый куст, отягощенный хризантемами и борсдорфскими яблоками.

Посредине круглого здания стоял куст с необыкновенно странной листвой, сочетанием липы, тополя и хвои. Я раздвинул ветви и увидел, что все они берут начало у одного и того же ствола.

Это было торжество искусства, которому Лерн посвятил пятнадцать лет своей жизни и которое он довел до степени чуда. Но в этих чудесах было нечто внушающее какое-то беспокойство – человек, отклоняющий жизнь от ее естественного пути, создает чудовища. Мне было не по себе.

«Откуда он взял это право нарушать и запутывать жизнь всех этих творений? – думал я про себя. – Кто позволил ему до такой степени извращать жизненные законы? Разве это не кошунственная игра и не страшное преступление против божественных устоев природы?.. Если бы еще во всех этих фокусах был замечен вкус...»

Это даже не ведет ни к какой новой истине, это только сумбурные пестрые браки, ботаническая фата-моргана, цветы-фавны, цветы-гермафродиты... Кроются ли за всем этим какие-нибудь эстетические цели, или нет – все равно это безбожно и кошунственно! Вот и все!

Профессор был охвачен каким-то кровожадным рвением. Все выставленные здесь чудовища подтверждали это так же, как находившиеся на столе бесчисленные склянки, ножи для прививок и садовые орудия, блестящие, как хирургические инструменты. Со стола я снова перевел глаза на растения и теперь только разглядел, как они изувечены и какие терпят мучения...

Одни были замазаны клеем, другие перевязаны и походили на раненых или перенесших тяжелую операцию; их глубокие порезы сочились какими-то подозрительными соками.

В стволе куста померанцевого дерева, вырастившего груши, было глубокое, как глаз, отверстие, и этот глаз слезился.

Я почувствовал какую-то странную слабость... Детский страх обуял меня, когда я увидел дуб... на котором вишни рдели, точно капли крови, – результаты операции... Кап-кап... две спелые ягоды упали к моим ногам неожиданно, как первые капли дождя.

У меня не хватало духа, чтобы внимательно читать этикетки. Везде на них отмечено было число и несколько неразборчивых немецко-французских знаков, сделанных рукой Лерна, иногда несколько раз перечеркнутых.

Все еще напрягая слух, я, однако, принужден был закрыть глаза руками, чтобы дать себе минутку отдыха и восстановить свое хладнокровие...

Затем я открыл дверь в правый флигель.

Комната имела вид барки. Ее стеклянный свод пропускал дневной свет и ослаблял его, превращая его в голубоватые, прохладные полутени. Под ногами заскрипел гравий. В этом помещении находились аквариумы, три хрустальных сосуда, из которых два боковых содержали морские водоросли, по виду будто однородные. Но среднее здание уже познакомило меня с методом доктора Лерна, и я не мог допустить, чтобы в обоих бассейнах были абсолютно одинаковые растения. Я присмотрелся ближе. Грунт и подводный ландшафт в обоих был один и тот же. Ветвистые, древовидные формации всевозможных цветов заполняли и левый и правый аквариумы. Песок был усыпан звездочками точно эдельвейсами; здесь и там высывались ветки, на концах которых красовались мясистые златоцветы. Я не стану описывать остальные виды растений, цветочные кроны которых состояли из жирных восковых ладьеобразных чашечек с необыкновенной окраской и причудливыми контурами. Тысячи пузырьков зарождались во внутренних слоях и, покругившись возле растения стремительными жемчужинами, взлетали на поверхность и лопались. Как будто несли полный радости и жизни поцелуй всем этим тонущим под водой растениям.

Порывшись в своих вынесенных из школы знаниях, я понял, что это те загадочные организмы, полипы, кораллы и губки, которые наука отводит в разряд полурастений-полуживотных. Их двойное бытие не перестает возбуждать интерес ученых.

Я постучал в стенку левого аквариума.

В тот же миг случилось нечто неожиданное. На поверхность всплыло нечто, напоминающее опаловый венецианский бокал; затем второй, пурпурного цвета, поднялся ему навстречу – это были морские медузы. Желтые или цвета мальвы помпоны ритмически то всовывались в свои известковые трубки, то высывались из них, вяло работая щупальцами, но весь аквариум был наполнен движением. Я стукнул в стенку правого аквариума. Там ничего не сдвинулось с места.

Для меня это было достаточно показательно. Размещение полипов в двух сосудах имело, очевидно, целью проследить процесс превращения растения в животное. При этом распределении активные организмы находились в левом сосуде, представляя низшую ступень живых существ, а неодушевленные были в правом, занимая собой высшую ступень в растительном царстве. Одни из них только начали превращаться в животные организмы, в то время как другие оставались растительными.

Так сдвигались стены пропасти, до сих пор разделяющей эти организмы, стоящие на границе растительного и животного царства, невидимыми отличиями, гораздо менее резкими, чем разница между имеющими так много общего волком и лисой.

Тем лучше! Это бесконечно малое отличие организмов, через которое не может перешагнуть наука... через это препятствие переступил доктор Лерн. В третьем бассейне оба эти вида были привиты друг другу. Я увидел в нем чашевидный листок, перенесенный на цветочный стебель, и он шевелился. Прививка сделала свое дело. Привитое растение приняло вид того организма, который ему был навязан; пронизанное его жизненным соком, ожило неподвижное, а активное парализовалось, потеряв свою двигательную силу.

Я охотно бы занялся различными приложениями этого принципа... В это мгновение медуза, переплетенная с неизвестным мне существом, сотни раз появляясь на поверхности, омерзительно влюбленная, наконец исчезла под мшистым грунтом. Я был исполнен отвращения к этому крайнему достижению искусства прививок. Я отвернулся.

На этажерке лежали инструменты и реактивы профессора. Это была настоящая аптека. Возле аквариумов находились четыре стола, покрытые стеклом; на них целый арсенал ножей и щипцов.

Нет, нет! Он не имеет на это права!... Это равносильно убийству. Это еще хуже! Это отвратительный произвол, приводящий к позорному изнасилованию девственной природы...

В то время как я был охвачен таким благородным негодованием, раздался стук.

Я почувствовал, как напряглись все мои нервы. Да, кто-то стучал.

Одним прыжком я очутился в круглом здании, мое лицо при этом выглядело, должно быть, было ужасно.

В дверях никого не было. Во всем здании – ни души. Я поспешил назад.

Шум начался снова... Он доносился из другой пристройки, в которую я еще не проник... Я потерял голову и бессмысленно кружился. Сумею ли стать лицом к лицу с опасностью? Я настолько обезумел, что стукнулся головой об дверь, и она при этом распахнулась. Возбуждение и переутомление довели меня до такого состояния, что я до сих пор думаю, не под влиянием ли галлюцинации вещи мне казались еще причудливее, чем они были на самом деле?

Третье помещение было залито ярким светом, и ко мне сразу вернулось мое мужество. На одном из столов лежала дном кверху мышеловка с мышью. Когда мышь шевелилась, подпрыгивала и клетка, ударяясь о стол. Отсюда происходил шум.

Эта комната в сравнении с двумя другими была в большом беспорядке. Как будто она и не убиралась. Но разбросанные грязные полотенца, анатомические ножи и наполовину заполненные пробирки свидетельствовали о недавней работе, несколько оправдывая этот хаос.

Я испытующе осмотрел все кругом. Первые две вещи рассказали мне уже многое. В фаянсовых горшках – два невиданных растения, названия которых оканчивались на «ус» и на «ум», но я их, к сожалению, забыл, хотя они могли бы придать больший вес моим словам. Кто мог бы под этими мудреными названиями подозревать простой подорожник и кустик заячьего ушка?

Подорожник, правда, был необыкновенно длинный и гибкий. Что касается заячьего ушка, то оно не отличалось никакими особенностями и по праву несло свое прозвище, потому что походило на гроздь больших заячьих ушей. На два его волосисто-серебристых листка была наложена повязка; такие же бинты из белого полотна охватывали стебель подорожника.

Я с облегчением вздохнул. «Ладно, ладно, – подумал я. – Лерн и здесь сделал прививку; это повторение того, о чем я уже давно слышал, то есть сомнительных и, если я не обманываюсь, неудавшихся опытов. Это еще только подготовка к феноменам, выставленным в круглом здании, так же, как к тем трем отвратительным аквариумам. Мне, если бы я захотел проследить все по порядку, надо было начать обзор отсюда, перейти в среднее здание и закончить полипами... Но, слава богу, я уже перешагнул через самое ужасное...»

Только я это подумал, как вдруг подорожник сократился, точно червяк. В ту же минуту нечто серое зашевелилось за стойкой и этим обнаружило свое присутствие. В окровавленной посудине лежал кролик с серебристой шкуркой. Он был чем-то странно изуродован... на месте ушей у него зияли кровавые дырки.

Предчувствие истины облило меня холодным потом. Я прикоснулся к ушам, привитым растению, – они были еще трепетны и теплы.

Я отскочил в ужасе и наткнулся на стол. Судорожно сжатыми от страха руками я нечаянно захватил отвратительного паука и, желая стряхнуть его с себя, опрокинул мышеловку.

Мышь выскочила из нее и, как безумная, стала метаться по комнате. А мои широко раскрытые от изумления глаза перебегали непрерывно с животного на растение, с подорожника с его тонким, черным, подвижным стебельком, на мышь, у которой был отрезан хвост...

Хотя оперированное место уже зажило, но оно выдавало недавно совершенный опыт – бедное животное тянуло за собой нечто похожее на плоский пояс, который придерживал вставленный в большое место зеленый росток. Впрочем, росток этот имел очень худосочный вид... И так, Лерн даже заменял недостающие органы другими! Со временем он начнет делать прививки и высшим животным!... Дядя, этот могущественный и злой гений, показался мне в эту минуту омерзительным чудовищем и внушал мне в одно и то же время удивление и ужас.

Его творчество и привлекало и отталкивало. Я принужден был сделать над собой усилие, чтобы не броситься бежать.

Однако я не жалел, что попал сюда, даже если бы все это была сплошная галлюцинация. То, что мне предстояло еще видеть, превосходило всякую фантазию. Все здесь было страшно и с некоторой точки зрения смешно...

Кто из этих несчастных существ выдерживал большую пытку? Морская свинка, жаба или финики?

В морской свинке, в общем, не было ничего замечательного. Возможно, что ее шкурка имела зеленый оттенок благодаря отражению зелени растений. Возможно.

Но лягушка? Но финики?

Зеленая лягушка спокойно лежала в горшке чернозема, точно четыре ее лапы были четырьмя корнями, зарытыми в землю, бесчувственная, тупая, с закрытыми веками...

А финиковая пальма? Сперва она была неподвижна, да здесь и не было никакого ветра, в этом я был уверен. Ее листочки мягко шелестели. Мне казалось, что я слышу этот шелест, но не могу поклясться в этом. Да, ветки покачивались, сдвигались и внезапно сталкивались друг с другом, как бы сплетаясь своими зелеными руками и пальцами и отдаваясь конвульсивно... не знаю, сладострастно или злобно, борьбе или страсти.

Ведь оба эти чувства имеют одинаковое выражение!..

Возле растения-лягушки стояла белая фарфоровая ваза с бесцветной жидкостью, и в ней лежал правяцевский шприц. Возле финиковой пальмы такая же ваза и такой же шприц, только жидкость была коричнево-красная и густая. Я пришел к заключению, что в первой находится растительный сок, во второй – кровь.

Между тем пальмы впали как бы в сонное состояние, и я, протянув к ним свою дрожащую руку, сосчитал под их теплой, влажной кожей удары... походившие на биение пульса...

Мне говорили потом, что я в это мгновение ощущал свой собственный пульс. Возможно. Во всяком случае, я точно сейчас вижу, как при свете ножей и зеркал все эти чудовища вырастают передо мной из своих сорванных повязок и сброшенных стеклянных колпаков...

Больше ничего! Я осмотрел все углы. Нет, больше ничего! Я исследовал все работы дяди... случай и счастье тому виной. Я проследил все стадии его опыта в той последовательности, в которой Лерн его развивал, до тех результатов, которых он достиг.

Я беспрепятственно вернулся в замок и в свою комнату. Все мое молодое возбуждение, поддерживавшее меня до сих пор, сразу оставило меня. Раздевшись, я еще попробовал пере-

брать в памяти все свои впечатления... но это мне не удавалось. Все это мне казалось сном, далеким от действительности... Разве может слиться в одно царство животных с царством растений?! Какая бессмыслица! Пусть полип-растение и полип-животное соединятся в одном образе, но что общего между, например, насекомым и листком?

Вдруг я почувствовал жгучую боль в большом пальце правой руки: на нем оказался маленький белый кружок посреди красного поля. Очевидно, кто-то укусил меня в парке, но я не мог разобрать, был ли то укус муравья или ожог крапивы. Мне пришло в голову, что ни микроскопический, ни химический анализ не могут дать на это ответа, потому что действие укула насекомого и кислоты из волоска крапивы одно и то же. По ассоциации я снова перешел на опыты дяди и принялся рассуждать:

«В общем, его эксперименты заключаются в том, чтобы признаки живых существ передать растениям и свойства растений перенести на животных. Его остроумные и настойчивые опыты, очевидно, успешны. Но где его цель? Я не вижу практического приложения этих опытов – следовательно, это еще не конец. Мне почему-то кажется, что все виденное служит только подготовкой к дальнейшей, более совершенной работе, которую я смутно предчувствую... Мой череп трещит... трещит от мигрени. Ну-ка посмотрим еще... Может быть, последующие эксперименты профессора откроют мне, к какой он стремится великой цели... Ну хорошо... позовем на помощь логику. С одной стороны... боже, как я устал!.. с одной стороны, я видел привитые друг другу разные экземпляры растений. С другой стороны, дядя начинает сращивать растения с животными... Но нет, я больше не могу!»

Мой мозг был слишком переутомлен и отказывался от элементарнейшего рассуждения: я смутно подумал, что дальнейшие прививки производятся где-нибудь вне оранжереи. Но глаза мои закрывались. Чем дальше я рассуждал с помощью строжайшей логики, тем больше я запутывался. Вдруг мне представилось серое здание, потом Эмма... Новая тревога, новое любопытство, новое томление...

О, как все это загадочно!

Да, сплошная загадка! Но сквозь рассеивающийся туман окружающие меня сфинксы казались мне милее. Милее. Вот один из них принял образ молодой, грациозной девушки...

Я заснул, улыбаясь.

Глава IV

Из огня в полмя

Кто спит, тот сыт... Я проспал до следующего утра.

Но никогда еще мой сон не был так тяжел. Спину и бока ломило от продолжительной тряски на автомобиле, и долго еще во сне я сворачивал с дороги на дорогу и блуждал по призрачным извилинам парка. Потом пошли чудовищные сны: Бросельянда поднялась, как шекспировский лес, и задвигалась. В этом лесу два дерева все время шли рука об руку: белая береза в блестящем панцире говорила со мной по-немецки, но я не слышал ее речей, потому что цветы пели, животные-растения пронзительно лаляли, а громадные деревья поднимали рев.

Проснувшись, я еще долгое время слышал этот страшный гомон... и я жалел о том, что не ознакомился более основательно с оранжереей. Менее поспешное и более обдуманное изучение было бы целесообразнее. Я проклинал свое вчерашнее нетерпение. Но почему бы мне не попробовать исправить это? Может быть, еще не поздно.

Заложив руки за спину, с папироской в зубах я, как бы случайно фланируя, подошел к оранжерее. Она была заперта по всем правилам.

Значит, я пропустил исключительный случай. Ведь тогда я мог все доподлинно узнать! Ах я, трус!

Стараясь оставаться незамеченным, я вышел из запретной области кратчайшей дорогой и направился по аллее к серым постройкам.

Вскоре я встретил профессора. Очевидно, он подстергал меня, но по-братски, весело поздоровался со мной. Когда он засмеялся, его помятое лицо слегка напомнило мне прежнего дядю. Его добродушие ободрило меня: мой поступок, очевидно, остался незамеченным.

– Ну-с, племянничек, – почти доверчиво обратился он ко мне, – отдохнул? Ну что, как твое мнение о Фонвале? Невесело, не правда ли?.. Тебе скоро надоест совершать променады в этой посудине.

– О дядя! Я люблю Фонваль не за его внешность, а за его заслуги, если хотите, за его связь с прошлым. Вы ведь хорошо знаете, что все мои игры протекали на этих лугах и в этой чаще. Все это вместе, весь Фонваль, – мой старый дедушка, у которого на коленях я катался верхом или получал розги... Не примите за лесть, чуть-чуть похожий на вас, дядюшка...

– Да, да... – пробормотал Лерн, уклоняясь от этого разговора. – И все-таки тебе это очень скоро надоест.

– Вы заблуждаетесь. Этот фонвальский парк, мой земной рай!

– Верно! Правда! – поддержал он меня и засмеялся. – Точь-в-точь рай, даже с запретной яблоней. Ты каждую минуту можешь здесь оказаться под деревом жизни и под деревом познания добра и зла, не имея права к нему прикоснуться... Опасное дело. На твоём месте я бы лучше убрался отсюда вместе с машиной. Господи! Если бы Адам обладал такой машиной!

– Но, дядя, ведь это лабиринт...

– Ну, если так, – весело вскричал дядя, – то я тебе буду служить проводником! Впрочем, мне страшно любопытно посмотреть, как слушается тебя такая... такая... такой...

– Такой автомобиль, дядюшка.

– Ага, автомобиль.

И его грубый немецкий акцент придал этому и без того тягучему слову громоздкость и неподвижность какого-то каменного сооружения.

Мы отправились к каретному сараю. Было видно, что дядя не старался скрыть от меня своего недовольства. Но, как видно, он несколько примирился с моим вторжением сюда. Меня же больше всего злило его добродушное настроение, оттого что мои нескромные намерения казались мне все более преступными. Может быть, я и отказался бы от них в это мгновение,

если бы мое влечение к Эмме не возбуждало во мне злобу и бунт против деспотического тюремного режима, установленного для нее дядюшкой. И потом, был ли он действительно искренен? Не намекал ли он слегка на мое обещание и клятву, когда мы подходили к импровизированному гаражу?

– Николай, я очень много думал об этом. Я решительно уверен, что ты в будущем нам понадобишься и мне очень хочется поближе с тобой познакомиться. Если хочешь остаться здесь на несколько дней, мы с тобой поболтаем. После полудня я работаю мало, мы можем с тобой совершать прогулки пешком или на твоей машине и поговорить обо всем. Только... не забудь о своем обещании!

Я кивнул.

«В общем, – подумал я, – ведь вполне возможно, что он опубликует результаты своих опытов. И польза этого открытия, то есть его цель, оправдывает бесчестные средства. Но может быть и так, что несправедны только те пути, которые он скрывает до опубликования результатов; он, очевидно, рассчитывает на необыкновенный успех открытия и на то, что он загладит все свои варварства и сделает их безнаказанными... или, может быть, его приемы и средства, приведшие его к достижению цели, сами собой останутся скрытыми? С другой стороны, может ли он бояться конкуренции? Почему бы нет?»

Так думал я, наполняя резервуар машины запасным бензином, который я случайно нашел в одном из ее запасных ящиков.

Лерн сел рядом со мной и указал мне в крутом и узком коридоре поистине гениально проложенный потайной проход.

Сначала я удивился, что дядя открыл мне этот краткий путь, но потом подумал: не показывает ли он мне, как отсюда убраться? И не этого ли ему хотелось от всего сердца?

Добрый, славный дядя! Какой он должен был вести отшельнический и высасывающий все соки образ жизни, чтобы проявить такое трогательное невежество по отношению к автомобилю! Совсем как ученый специалист в чуждой ему области. Мой физиолог был совершенно неграмотен по части механики. Он не имел почти никакого представления об этой поучительной, послушной, замкнутой и стремительной машине, воодушевлявшей его до крайности.

Мы на опушке леса.

– Остановись, пожалуйста, – попросил он. – Объясни мне эту штуку; она прямо удивительная. Я обыкновенно не делал прогулок дальше этого места. Я уже старая тряпка. Ты можешь, если хочешь, потом отправиться дальше...

Я принялся демонстрировать перед ним свою машину и заметил при этом, что гудок мой был испорчен и требовал починки. С помощью двух винтиков и кусочка проволоки я вернул гудку всю его прежнюю мощь. Лерн при этом расцвел от удовольствия. Затем я продолжал свою лекцию, и внимание моего слушателя росло почти с каждым словом.

Правда, дело заслуживало интереса. Хотя за последние три года моторы мало изменились в своих главных частях и первоначальной структуре, зато снабжение их всем необходимым стало гораздо совершеннее, и в подборе прикладного материала проявлена необыкновенная изобретательность. При постройке моего автомобиля, например, имеющего минимальную величину, не пущено в ход ни одной деревянной щепочки. Мой роскошный и точный восьмидесятицилиндровый автомобиль целиком состоял из алюминия, никеля, бронзы, чугуна и стали.

Действительно, достойна удивления степень совершенства, достигнутая в постепенном, изо дня в день настойчиво растущем автоматизме машины.

В настоящее время все ее части сделались автоматами, и один механизм регулируется другим. Шофер не больше чем рулевой. Стоит только машину пустить в ход, как она сама собой станет проявлять свое неослабное усердие. Вызванная к деятельности тобой, она останется только по твоей же команде. Короче говоря, современный автомобиль обладает свойствами существа, наделенного спинным мозгом, то есть инстинктом и рефлексом. Рядом с

автоматическими движениями вырастают и произвольные, вызванные разумом управляющего машиной, так что он является, так сказать, ее мозгом. Разум побуждает ее к целесообразным, обдуманым действиям через посредство металлических нервов и стальных мускулов...

– Впрочем, – прибавил дядя, – сходство между этим экипажем и позвоночным животным поразительно!

Лерн попал на своего конька. Я внимательно прислушивался.

– Здесь, значит, имеются нервная и мускульная система, движение, передача и сосредоточие сил. Ну а разве этот стальной остов не скелет, Николай?.. По медным артериям течет жизненный сок – кровь. Газогенератор дышит, как легкие. Здесь с воздухом соединяются пары бензина, как кровь с кислородом. Грудную клетку здесь заменяет коробка, под которой пульсирует механическая жизнь... Наши суставы окружены особой жидкостью так же, как эти зубчатки маслом... Тысячу раз в минуту маленькая динамо рассылает ток по кабелю, подобному нашим нервам, в цилиндр, освобождая в нем разрывную силу газа, придающего машине страшную силу. Разве магнето не сердце машины, движущейся, пока работает ее сердце-магнето, и останавливающейся, когда оно перестает действовать? Магнето портится часто, или он работает неутомимо и непрерывно, как сердце, Николай?

– Да, милый дядя, как и сердце, магнето при хорошем с ним обращении действует долго, годами. Впрочем, его очень легко переменить, если есть в запасе другой...

– Здесь имеются резервуары-желудки, наполняющиеся и растрачивающие свое содержимое... А вот фосфоресцирующие, как у кошек, глаза-фонари... Голос-гудок... Короче – твоему экипажу недостает только мозга, но на этом месте ты ставишь свой и превращаешься в огромное, глухое, слепое, бесчувственное, бесплодное чудовище без вкуса и обоняния.

– Настоящий музей уродств! – рассмеялся я.

– Гм! – возразил Лерн. – Впрочем, автомобили сделаны из более удачного материала, чем мы. Подумай, этот холодильник... Какое прекрасное средство против лихорадки!.. А сколько такое тело при хорошем уходе может выдержать?.. Ведь оно безгранично податливо... каждую минуту можно его исправить... Разве ты не вернул ему только что голос? Так же легко ты мог бы ему вставить новый глаз!.. – Профессор горячо продолжал: – Какое мощное, какое страшное тело! Тело, позволяющее постоянно обновлять себя! Свойство, придающее неслышанную силу, броню, стократно увеличивающую его мощность и быстроту, А вы, люди, на ней, подобно марсианам Уэллса, в граненых цилиндрах! Вы – мозг замечательнейшего, остроумнейшего чудовища!

– Все машины таковы, дядя!

– Нет. Ни одна не представляет такого совершенного сходства с человеком. Ни одно животное, конечно, не сравнится с нею совершенством формы. Автомобиль – самый совершенный из всех созданных до сих пор автоматов. Он остроумнее самого тонкого часового механизма, это наиболее близкий к человеку андроид. Все остальные скрывают под покровом, сходным с человеческим, органы, стоящие в анатомическом отношении куда ниже органов виноградной улитки. В то время как здесь...

Он отступил на несколько шагов и, восхищенно глядя на машину, воскликнул:

– Великолепное создание!.. Как велик человек!

«Да, – подумал я, – в творчестве заложено немножко более красоты, чем в твоих преступных мешанинах из плоти и растительности. Но хорошо уже то, что ты это сознаешь!..»

Было уже поздно, но я все таки помчался в Грей л'Аббе за бензином. Дядя настолько влюбился в мой автомобиль, что, наперекор своей давнишней привычке, решил переступить границу своих обычных прогулок и поехал со мной.

Потом мы повернули в Фонваль.

Дядя с фанатизмом новообращенного то нагибался вперед и выслушивал мотор, то занимался исследованием смазочного крана. При этом он неотступно меня расспрашивал о малейших деталях моей машины и усваивал все это с невероятной точностью.

– Ну-ка, Николай, надави гудок!.. Убавь ход!.. Останови... Прибавь ход... Быстрее, быстрее!.. Довольно! Тормози!.. Теперь назад... Стоп! Замечательная штука!

Он смеялся. Лицо его сияло и похорошело. Кто посмотрел бы на нас в эту минуту, счел бы нас закадычными друзьями. Может быть, мы и были ими в тот момент... Я понял, что с помощью моей машины я доведу дядю до того, что он поделится со мной своими сокровеннейшими помыслами.

Он сохранил свое хорошее настроение до самого нашего приезда в замок. Даже близость его таинственного ателье не уменьшила его радости. И только в столовой она испарилась сразу. В то самое мгновение, как в нее вступила Эмма, лицо Лерна омрачилось. И вместе с улыбкой погас мой добрый старый дядя, и между нами за столом сидел опять старый, сварливый ученый.

Я почувствовал, как мало значили для него в сравнении с этой девушкой все его будущие успешные открытия и что он стремится к богатству и славе только для того, чтобы сложить их к ногам этой очаровательной женщины.

Несомненно, он ее очень-очень любит, так же как и я; наша любовь походила на жажду, вызывающую пересыхание в глотке и жар во всем теле. Разница была только в том, что он относился к ней как гурман, а я – как человек с волчьим аппетитом.

Будем хоть раз откровенны и честны! Эльвира, Беатриче – эти идеальные возлюбленные, и они были сначала только желанной пищей. До того, как их восхвалили в стихах, их жаждали... зачем далеко искать сравнения?.. как жаждут глотка свежей воды... Но для них нашлись потом звуки и краски, потому что они сумели сделаться предметами обожания; с этого момента в их объятиях пробуждалась нежность, эта тончайшая ретушь, этот бессознательный шедевр. Да, Лерн прав! Человек велик! Но для этого возвеличения его любовь сделала больше, чем механика. Любовь человека – удивительный, насыщенный мудрым и тонким ароматом, цветом, художество из художеств.

Но ни я, ни Лерн ничего не знали о небесной любви и никогда не вдыхали ее аромата... Мы пили сок мимолетного, грубого, жалкого цветка, наделенного стремлением к продолжению рода и цветущего для того лишь, чтобы превратиться в плод. Мы были одурманены этим угнетающим и отравленным сладострастием и ревностью напитком.

Барбара двигалась взад и вперед, небрежно прислуживая. Мы молчали. Я избегал встречи с очаровательными глазами Эммы, будучи уверен, что мои взгляды-поцелуи будут истолкованы дядей безошибочно.

В этот момент она казалась веселой, беспечной и свободной; локти ее лежали на столе, белые руки высунулись из коротких рукавов, а глаза устремились через стекла окна на луг.

Как охотно я последовал бы за ней глазами туда: такая далекая, сентиментальная встреча с нею там, в парке, сблизила бы нас и усмирила бы во мне дикое желание. Но с моего места не видно было луга, и мои глаза волей-неволей останавливались на ее блестящих белизною руках и груди, которая волновалась сегодня особенно.

Я истолковал это движение в свою пользу. Лерн молча и враждебно встал из-за стола. Я глубоко поклонился молодой женщине и, нечаянно задев ее, почувствовал, как она задрожала. Ее ноздри трепетали. Я торжествовал в душе. Не было никакого сомнения, что это я возбуждал в ней такое волнение.

Мы постояли у окна. Вдруг Лерн ударил меня по плечу и с каким то блеянием старого сатира тихо прошептал:

– Посмотри на Юпитера и его гарем!

Я выглянул в окно и увидел, как Юпитер, окруженный своими одалисками, подошел к одной из них – явной фаворитке его в этот день...

В гостиной дядя снова скорчил суровую физиономию и приказал Эмме удалиться в свою комнату. Мне он дал несколько книжек, категорически посоветовав отправиться с ними в парк и заняться своим образованием.

Я повиновался и подумал: «Хоть он часто и возмущает меня, мне все-таки жаль его!»...

Ночью случилось нечто, значительно ослабившее мое к нему сострадание.

Это происшествие возбудило во мне еще большую тревогу; оно не помогло мне раскрыть основную тайну и казалось совершенно непонятным.

А случилось вот что.

Я мирно задремал. Мои мысли перед этим были с Эммой, и окрашенные надеждой грезы мои были одна другой лучше. Но вдруг сладкие сны сменились всеми ужасами прошлой ночи: растения издавали необыкновенные звуки и грызлись между собой... Внезапно сон мой сделался таким явным, крики такими пронзительными, что я проснулся весь в поту... Отголосок только что раздавшегося крика еще звенел в моих ушах. У меня было такое ощущение, точно я слышал его не в первый раз. Нет... это было там, в лабиринте, далеко от Фонвальского замка.

Я сел на постели. Комната освещена лунной. Тихо. Только часы отбивают время. Я опять лег на подушку.

И вдруг по коже у меня пробежал мороз, и я, закрывшись одеялом, заткнул уши руками. В парке опять поднялся этот ужасный, неслыханный вой и продолжался... Это сон, думал я, сон, превосходящий всякую фантазию...

Я вспомнил о гигантском платане там, внизу, у замка...

Я встал, сделав над собою нечеловеческое усилие. Теперь слышалось тьяканье, слабое, придушенное тьяканье...

Ну так что же? Ведь это всего только собака, черт возьми!

Я выглянул в сад – ничего... Ничего, кроме платана и других деревьев, облитых лунным сиянием...

Но вой повторился слева. Через другое окно я увидел нечто, как будто объяснившее мне все остальное.

Тощая большая собака стояла спиной ко мне, ухватившись лапами за ставни окна моей прежней комнаты, и время от времени издавала длительный и громкий лай. Другое придушенное тьяканье раздавалось изнутри. Действительно, лай ли это? Я не доверял своему слуху, он меня снова обманывал. Это скорее человеческий голос, подражающий собаке... Чем больше я прислушивался, тем больше я в этом убеждался... Ну конечно, нет никакого сомнения! Это бросалось в уши так же, как что-нибудь бросается в глаза: кто-то в моей бывшей комнате забавлялся тем, что подражал лаю собаки. Это хорошо удавалось ему: собака снаружи все больше выходила из себя. Она перебрала уже всю гамму пронзительных тонов. Наконец она стала яростно цепляться за ставни и ухватилась за них зубами. Я слышал, как трещало под ними дерево.

Вдруг собака притихла. В комнате чей-то голос бранился зло и жестоко. Это был голос дяди; слов я не мог разобрать. Вдруг странный шутник замолчал... А собака взбесилась еще больше. Шерсть у нее ошетибилась, и она бросилась с рычанием вдоль стены к двери.

Лерн уже был здесь и открыл ее.

На мое счастье, я не поднял шторы, потому что первый его взгляд был брошен на мое окно.

Профессор унимал собаку тихим голосом, в котором звенела сдерживаемая ярость. Но он не подходил к ней. Я заметил, что он боится ее. Животное подошло ближе, продолжая ворчать, и бросало на него исподлобья молниеносные взгляды.

Лерн заговорил громче:

– В конуру, проклятая!

Потом несколько слов на незнакомом языке.

– Марш! Прочь! – закричал он опять.

Животное продолжало двигаться к нему.

– Хочешь, чтоб я убил тебя?

Дядя сошел, видно, с ума. Луна обливала его белым светом.

«Она загрызет его, – подумал я. – Он без хлыста».

– Назад, Нелли! Назад!

«Нелли?.. Собака его ученика, которого он прогнал! Собака шотландца!»

Звуки незнакомого языка стали явственнее, и я, к моему крайнему удивлению, услышал, что дядя говорит по-английски.

Животное продолжало бесноваться и вдруг встало на задние лапы. Лерн выхватил револьвер, и, угрожая им собаке, вытянул другую руку в направлении конуры.

Мне случалось видеть на охоте, что когда собаке показывают оружие, действие которого ей известно, она убегает. Но чтобы собака испугалась вида револьвера – это было необычайно. Неужели Нелли имела случай познакомиться с его убийственной силой? Возможно. Но я скорее допускал, что благодаря Мак-Беллу она понимала приказания на английском языке.

Нелли вдруг притихла и, поджав хвост, пошла по указанному направлению.

Лерн пошел вслед за собакой, и они пропали в темноте.

Вдали громко хлопнули двери.

Лерн вернулся.

И больше ничего.

Значит, в Фонвале было еще два существа, о которых я не имел никакого понятия. Во первых, несчастная Нелли, как видно покинувшая своего сбежавшего хозяина, и тот, кто так странно дразнил ее. Голос этот не мог принадлежать ни одной из двух местных женщин и ни одному из трех немцев. Да и род этой забавы выдавал возраст шутника. Кто, кроме ребенка, станет так забавляться за счет собаки? Но ведь, кажется, в этом флигеле никто не живет? Ага! Лерн мне сказал: «Твоя комната мне нужна». Кто же в ней находится?

Я это непременно узнаю, непременно!

Скрытое от меня существование Нелли и ее пребывание в сером здании окружало для меня это здание еще более глубокой тайной. Но запертые комнаты замка представляли собой новый таинственный пункт; расследование в этом направлении, очевидно, может содействовать раскрытию всей загадки...

Дело подвигалось вперед, решительно подвигалось вперед. Открывшаяся передо мной перспектива волновала меня чрезвычайно.

Но я говорил себе, что надо сначала втереться в доверие к дяде, а потом уже взяться за преодоление препятствий. «Исследуем сначала мотивы, – говорил мне внутренний голос. – Они очень туманны». Но когда я разберусь в них хладнокровно, можно будет с легкостью приступить к действиям... Но разве слушаешься внутреннего голоса, когда так громко кричит страсть?..

Глава V

Идиот

Восемь дней спустя. У дверей прежней моей комнаты. Желтой комнаты. Через замочную скважину.

Я был здесь два дня назад вечером. Но у меня не хватило времени, чтобы все хорошенько рассмотреть.

Нелегко мне это досталось! Никогда еще левый флигель не охранялся так ревностно, я думаю, даже в то время, когда здесь жили монахи...

Как же я все-таки попал сюда? Очень просто. Желтая комната соединена с передней тремя промежуточными покоем: большой гостиной, бильярдной и будуаром. Она как раз направо от будуара и выходит окнами в парк. Третьего дня вечером, оставшись один, я подобрал ключ к двери гостиной, испробовав при этом ключи, вынутые мною украдкой из всех замков. Я мало верил в удачу, но замок внезапно поддался. Я толкнул дверь, и свет, проникавший через закрытые ставни, позволил мне разглядеть всю анфиладу следующих комнат.

В каждой из них стоял какой-то особенный тонкий запах и чуть-чуть пахло сыростью... Это дыхание прошлого вызывало в воображении былые времена... Всюду пыль.

Я подвигался вперед на цыпочках. На полу следы засохшей уличной грязи и отпечатки башмаков. В гостиной мышь. На бильярде костяные шары разложены треугольником. Я мысленно обдумал удар, результаты этого удара и новое положение, которое при этом получают шары. В будуаре часы остановились не то в какую-то полночь, не то в полдень. Я был как-то особенно восприимчиво настроен... Я подходил уже к двери желтой комнаты, как внезапный шум заставил меня броситься назад в переднюю...

Дело нешуточное! Лерн работал в сером здании и, зная, что я в замке, часто за чем-то возвращался; очевидно для того, чтобы следить за мной. Поэтому я счел благоразумным прекратить на время свои исследования.

Мне нужен был по меньшей мере час, чтобы без помехи хорошенько все рассмотреть. Я составил следующий план:

На следующий день я в автомобиле съезжу в Грей л'Аббе, куплю разные туалетные принадлежности и спрячу их в чаще леса недалеко от парка.

На следующий день за завтраком я заявлю дяде: «Сегодня после обеда я отправляюсь в Грей. Я думаю, что достану там все, что мне нужно... всякую всячину. А не то поеду в Нантель. Не нужно ли вам чего-нибудь?..»

К счастью, им ничего не нужно. Не то все провалилось бы к черту.

На то, чтобы собрать в кустах мои вчерашние покупки и сделать вид, что я их привез из деревни, потребуется всего пятнадцать минут. Для того чтобы съездить в Грей и назад, нужно потратить гораздо больше часа. Таким образом, у меня в распоряжении оставался целый час. Целый час!

Я выехал и оставил машину в чаще. Затем через стену перелез в сад. Этот геройский подвиг помогли мне совершить боярышник, с одной стороны, и виноградный куст – с другой.

Обойдя замок кругом, я опять очутился в передней....

Вот я в гостиной. Заботливо притворяю за собой дверь. На случай бегства ключ лучше не поворачивать.

А теперь... На слежку... Через замочную скважину – в желтую комнату.

Отверстие большое, четырехугольное, вроде бойницы. Оттуда вырывается струя кислотного воздуха. Что же я вижу?

В комнате темно. Солнечный луч проникает сквозь ставень и падает косым, светящимся пучком, в котором кружатся подобные небесным мирам пылинки. На ковре отражаются клетки

внутренних рам. Все тонет в полумраке, ужасный беспорядок. Всюду разбросанное платье. Тарелка с остатками пищи на полу, как в хлеву. Карцер, что ли?.. Но, боже мой, постель, эта постель!.. А вот и заключенный!..

Человек!..

Он лежит на животе. Вокруг него подушки, матрацы, одеяла. Он лежит, подложив руки под голову. На нем только ночная рубашка и панталоны. Борода не стрижена много месяцев. Волосы совершенно светлые, почти белые.

Знакомое лицо... Нет! Это мираж той ночи... Я нигде не мог его видеть. Бородатое, распухшее лицо, толстое, молодое и плотное тело... Никогда!.. Довольно добродушный взгляд, тупой, но добродушный... Гм! Какое необыкновенное равнодушие! Какой это, должно быть, лентяй!..

Пленник спит. Но как он скверно спит! Мухи мучат его. Он их отгоняет как-то неуклюже и нелепо и в промежутке между двумя припадками дремоты преследует их тупым взглядом. Иногда он яростно подымает голову, как бы желая поймать их ртом.

Идиот!

Значит, в доме дяди есть дурачок. Кто это?...

Один глаз у меня слезится от ветра, другой несколько близорук, и я все вижу, точно в тумане. Черт возьми! Я сильно стукнулся об дверь!...

Кретин вскочил на ноги. Какой он маленький! Вот он подвигается ко мне... А вдруг откроет... Нет! Он бросается к двери, сопит, бормочет... Бедняга!...

Он ни о чем не догадывается. Стоя под пучком лучей, он исполосован тенями, точно зебра. А я могу его теперь разглядеть получше.

Руки и лицо его осыпаны маленькими красноватыми пятнами вроде струпьев... Как будто он с кем-нибудь подрался. По затылку от одного виска до другого бежит красная полоса... ужасно похожая на рану. Этого человека мучили! Каким пыткам подвергал его Лерн? За что мстил ему этот палач?..

Мне пришла в голову странная ассоциация идей. Я сравнивал дядину шевелюру, как у индейца, со странным цветом волос Эммы, зеленую шкурку морской свинки с необыкновенно светлой головой узника. Неужели Лерн занимался пересаживанием длинноволосых скальпов на лысые черепа? В этом, что ли, заключалось его великое открытие?.. Но я сейчас же убедился в том, что мое предположение глупо: если бы несчастный был скальпирован, шрам тянулся бы вокруг всей головы. Ведь он просто мог сойти с ума вследствие какого-нибудь несчастного случая, например, удара в голову.

Но он не сумасшедший, он кретин. Он совершенно безобиден и добродушен. В его глазах иногда виднеются даже проблески ума... Как будто что-то когда-то знал или... Я был уверен, что, если ему спокойно задать вопрос, он ответит... Попробовать?.. Да или нет?..

Я решил попытаться. Дверь запиралась с моей стороны обыкновенной задвижкой. Я отодвинул ее, но еще не успел очутиться в комнате, как пленник, согнув голову, проскочил между моих ног, опрокинул меня, опять вскочил и бросился бежать через комнаты, издавая то самое тьяканье, которое я ночью принимал за глупую забаву.

Его проворство ошеломило меня. Как это ему удалось сыграть надо мной такую штуку? Как пришло ему в голову проскочить у меня между ног? И я в таком глупом положении!.. Теперь этот сумасшедший пропадет. Спокойствие, Николай, спокойствие! Не лучше ли тебе убраться отсюда потихоньку, чем гнаться за ним? На что это мне теперь?.. Да, но Эмма! И вся эта тайна! Нет, догнать его, проклятого!

Я бросился за кретином.

Только бы он не побежал к серым зданиям!.. Нет, к счастью, он выбрал противоположное направление. Но ведь нас могут увидеть... Дезертир бросается в кусты! Слава богу! Хорошо, что он больше не кричит! Я почти спасен... Кто это там стоит?.. Нет, это статуя... Я должен его

догнать как можно скорее. Если он переменит направление, нас заметят!.. Какой он смешной, этот болван!..

Черт возьми, если так будет продолжаться, придется обежать весь парк и очутиться под окнами Лерна! Слава деревьям, которые скрывают нас пока! Скорее! К счастью, я не запер дверей гостиной. Скорее, скорее, скорее!.. Хорошо, что он ни разу не оглянулся и не знает, что его преследуют. Его босые ноги, очевидно, причиняют ему боль, и он задерживается. Я выигрываю положение...

Он останавливается, обнюхивает, в чем-то удостоверется и бежит дальше. Но я уже ближе к нему теперь. Он прыгает в чашу, к крутому обрыву... Я за ним... Между нами десять метров. Он скачет через дерн не оборачиваясь... Игlistые ветки ударяют его по лицу и колют его; он отбрасывает их назад. Почему он их не раздвигает?.. До крутого обрыва недалеко. Уже почти добежали до него. Этот дикарь как будто отчетливо представляет себе, куда ему нужно... Иногда он исчезает из виду... Мне приходится преследовать его сквозь чашу кустарника...

Наконец остановился возле скалистой стены... стоит как вкопанный.

Я безмолвно вытянулся вперед. Еще секунда – и я брошусь на него... Но то, что он делает, так поражает меня, что я останавливаюсь в тени, не спуская с него глаз.

Он опустился на колени и яростно разрывает землю. От этого у него так болят пальцы под ногтями, что он время от времени испускает жалобные стоны. Земля выскакивает комьями, долетающими до меня. Судорожно сведенные руки делают быстрые удары, отбивая при этом странный такт. Он отбрасывает землю и воет от боли; засовывая нос глубоко в яму, фыркает яростно и снова принимается за работу. Шрам охватывает его голову, точно венок. Но что же я? Забавляюсь здесь его дурацкими выходками в то время, как мне надо схватить его и увести...

Я украдкой высовываюсь из кустов. Здесь кто-то уже копал – это видно по затвердевшим комьям земли. Значит, мой блондин продолжает уже начатое раньше дело. Ага, вот что!..

Я согнул колена, готовясь к прыжку.

Вдруг человек испустил радостный крик. Что он такое увидел? Он вытаскивает на свет божий старый сапог. Несчастный!

Уф! Наконец-то я держу этого негодяя!.. Он обернулся, хочет вырваться, но я не отпускаю! Смешно! Как он неловко действует руками!.. Ай, кусается, негодяй!

Я обхватываю его, чтобы опрокинуть его наземь. Видно, что он никогда не боролся. Но все-таки я не могу одолеть его... Вот я наступил на сапог... странно, он прикреплен чем-то к земле!.. Скорее конец! Время – деньги!.. Дело идет о целом состоянии.

Мы крепко держим друг друга. Мой противник и я, равные по силам, боремся, упираясь в скалу... Мысль! Я широко раскрываю глаза и, придав им страшное и повелительное выражение, смотрю на него так, как будто угрожаю ему или хочу укротить зверя. Он сейчас же слабеет и делается покорным... лижет руки в знак послушания...

– Марш!

Я увожу его. Сапог поворачивается носком кверху. Но он далеко не похож на брошенную за негодностью обувь. А то, что его держит в земле, не обнаруживается. Кусочек какой-то материи? Чулок, что ли?..

Кретин оборачивается и тоже смотрит.

– Марш, марш, голубчик!

Мои глаза делают чудеса. Мой спутник мне совершенно покорен. Мы бежим изо всех сил. Всемогущий бог! Что происходит в замке?

Ничего! Ровно ничего!

Мы в передней. Я слышу, как беседуют Эмма с Барбарой. Они спускаются с лестницы, но мы уже успели очутиться за дверью гостиной.

Я успокоился...

Черт возьми, теперь мне нельзя выйти, хотя я уже и запер безумца...

Женщины могут заметить меня...

Я тихонько проскользнул в гостиную, чтобы узнать, куда они пойдут. Вдруг я отскочил на середину комнаты, едва сдерживая крик и ища глазами, где притаиться...

Ключ с той стороны нащупывал скважину.

Мой? Разве я забыл его? Или у меня его украли? Нет-нет, мой здесь, в кармане! Я вынул его, выходя!

Замок медленно поддался. Кто-то вошел... Кто? Немцы? Лерн?

Эмма!

Эмма ничего не замечает. Одна из больших портьер чуть-чуть колеблется, как будто за ней кто-то стоит и дрожит. Эмма не видит этого. Барбара следует за ней.

Молодая девушка шепчет:

– Останься здесь и наблюдай за садом, как в тот раз. Если старик выйдет из лаборатории – кашляни.

– Я его не боюсь, – ответила Барбара в очевидном испуге. – Он нас не подозревает, могу вас уверить. Да он уже больше и не покажется вообще до вечера... А вот Николай – это другое дело. Черт его сюда принес!

Значит серые здания назывались лабораторией! За это слово Барбара получила тогда пощечину. Мои сведения умножаются.

Эмма сказала строго:

– Говорю тебе, нет никакой опасности. Да что ты, в первый раз?

– Но тогда не было Николая...

– Делай что тебе говорят!

Барбара неохотно осталась на часах. Эмма недолго постояла, прислушиваясь. Хороша! Хороша, как богиня сладострастия. Мне видна была лишь безжизненная тень ее на дверях... Но что это был за брызжущий жизнью силуэт! Эмма стояла совершенно неподвижно, но казалось, что она неслась в безумном танце и, застыв на мгновение, продолжала каким-то волшебством невидимо танцевать. Она была прекрасна, как баядерка, олицетворение только любви, любовной игры. Стояла ли она спокойно или медленно двигалась, малейший ее жест был исполнен желания.

Кровь била ключом в моих жилах. Эмма у этого идиота!.. Этот рай такому скоту!.. Какая дрянь!.. Я готов был искушать ее...

Я ничего не знал, я обвинял ее без всяких оснований.

Но кто не знает жадного и сластолюбивого выражения губ женщины, которая украдкой и обманом хочет проникнуть к мужчине... Да-да, вот она поддалась вперед... Неужели надо дважды посмотреть на нее, чтобы отгадать, к чему ее влечет?.. Все в ней кричало об этом. Все в ней выдавало ту надежду и ту болезненную тревогу, которые уже наполовину дают удовлетворение... Но я не стану здесь изображать это одержимое дьяволом тело и передавать словами его страстный язык. Как человек, слушающий чарующую музыку, весь, со всеми органами своими, превращается в слух, так эта женщина, полная любви, излучала одно только желание; это было олицетворенное половое влечение. Это была сама Афродита.

Меня охватило бешенство.

Красивая девушка, готовившаяся к этому низменному влечению, задела своим платьем портьеру, за которой я спрятался.

Я преградил ей дорогу.

Она отшатнулась в ужасе, близкая к обмороку. Барбара показала пятки. А я... я, нелепый, выдал себя с головой.

– Зачем вы идете к этому крестину? – крикнул я хрипло, неестественно. Я с трудом выбрасывал слова. – Как вы можете! Зачем? Скажите мне, умоляю!

Я стиснул ее руки в своих. Она слабо сопротивлялась; я охватил ее чудесное тело, которое поддавалось, как мягкая волна. Я сжимал ее руки, глядя ей прямо в глаза и повторяя:

– Зачем? Скажи! Зачем?

Она вырвалась из моих объятий и, смерив меня взглядом, решительно проговорила:

– Вы прекрасно знаете, что Мак-Белл был моим любовником! Лерн ясно вам это сказал в день вашего приезда в моем присутствии...

– Мак-Белл! Этот кретин – Мак-Белл?

Эмма не ответила. Но по ее удивлению я понял, что совершил новую ошибку, проявив свою неосведомленность.

– Разве я не имею права любить его? Неужели вы думаете, что вы можете его у меня отнять?

Я все еще держал ее за руки.

– Ты все еще любишь его?

– Больше, чем прежде – слышите!

– Но ведь это бессмысленное животное!

– Некоторые дураки считают себя богами. А он иногда только думает, что превратился в собаку. Так заблуждаться, может быть, менее грешно. И потом... вообще...

Она таинственно улыбнулась. Как будто сознательно хотела довести меня до бешенства. Ее улыбка и слова меня страшно, безумно возбуждали.

– Ах, развратница!

Я душил ее в объятиях и бросал ей в лицо тысячи оскорблений. Ей, должно быть, казалось, что пришел ее последний час, и она все-таки продолжала улыбаться... Она смеялась надо мной устами, обещавшими наслаждение другому – о, как это меня раздражало! Ну подожди! Я тебе помогу улыбаться! Я сделаю твою улыбку еще ярче и горячее. Меня охватило животное желание кусаться... Я был страшнее, безумнее того идиота!

Искусать в кровь эти насмешливые губы сейчас же! Да, да, да!.. Наши зубы столкнулись и раздался поцелуй – первый поцелуй пещерного человека, столько в нем было животной жадности. Скорее удар, чем ласка, но все-таки то был поцелуй... Последовал ответ.

Я понял не только то, что Эмма рождена для наслаждения, но и то, что она в этой области обладает большим опытом...

Мы упали на диван...

Вдруг ворвалась к нам Барбара:

– Он идет!

Эмма с быстротой молнии вырвалась из моих объятий. Снова воцарилась власть Лерна.

– Уходите! Бегите! – проговорила она. – Если он об этом узнает... Вы погибли... я на этот раз тоже... О, скорее, скорее! Берегись, мой милый проказник, Лерн способен на все!..

Я чувствовал, что это правда. Ее милые руки дрожали в моих, а уста под моими горячими поцелуями испуганно шептали.

Подгоняемый своим безумным счастьем, я с удесятеренной силой схватился за виноградный куст и перепрыгнул через стену.

Там в чаще стояла моя машина. Я быстро собрал пакеты. Я был невыносимо счастлив: Эмма – моя! Какая любовница!.. Женщина, не отступающая от своего долга, способная нести в утешение превратившемуся в нечто отталкивающее другу несказанную прелесть своего существования... А теперь, теперь... в этом я уверен, теперь она хочет только меня! Мак-Белл? Она любит его? Нет, она лгала, чтобы разжечь меня... Она жалеет его, очень просто...

Впрочем, отчего этот шотландец сошел с ума? И почему Лерн держит его взаперти?.. Ведь дядя уверил меня, что этот человек давно уехал... И с какой целью он запер собаку?.. Бедная Нелли! Я понимаю теперь твои мучения тогда, под окном, и твою злобу против профессора: перед тобой развернулась драма между Лерном, Эммой и Мак-Беллом. В этом уж не

может быть сомнения... Какая драма? Это я скоро, скоро узнаю: от любовника не бывает тайн, а я – любовник Эммы! Все чудесным образом раскрывается!

Когда я чему-нибудь радуюсь, я обыкновенно пою. Так и теперь я напевал про себя какой-то развеселый мотив. И внезапно это чудесное настроение оборвалось. Старый башмак вдруг встал перед моим мысленным взором, как красная смерть посреди пиршества.

Я сейчас же помчался туда. Солнце в моем сердце погасло. Мысли омрачились и наполнились грозными призраками. Страшные предчувствия сгустились в нечто действительное. И даже обольстительный образ Эммы тонул в этом предсмертном мраке.

Исполненный ужаса перед неизвестностью, я подъезжал к замку-тюрьме и могильному парку, в которых подстерегали меня безумие или смерть из рук этого порочного вампира.

Глава VI

Нелли

Прошло два дня, ничего не давших для удовлетворения моего любопытства или страсти. Подозревал ли меня Лерн?..

Он мучительно распорядился всем моим временем.

Утром он просил меня провожать его, то пешком, то в автомобиле. Во время прогулок он затрагивал какой-нибудь научный вопрос и добивался ответов, как будто испытывал мои знания и способности.

На машине мы кружили вокруг замка, как звери вокруг своего логовища. Пешком шли большей частью по прямой аллее в Грей. Он останавливался на опушке леса и ни разу не переступил его границы. Часто профессор возвращался назад, обрывая свою лекцию или разговор на полуслове, как бы охваченный внезапным недоверием к тем, кого оставил в замке.

Дядя всецело распорядился также и моими послеобеденными часами. То он приказывал мне отправляться в город, то в деревню, то вообще отлучиться на определенное время. Иногда надо было исполнить какое-нибудь поручение, но большей частью приходилось просто играть совершенно странную роль. Лерн всегда следил за моим отъездом, а вечером поджидал у порога и требовал от меня полного отчета о проведенном дне. Я должен был или докладывать об исполненном поручении, или описывать те местности, по которым бродил; что касается последнего, то дядя не имел о них никакого представления. Но я не подозревал этого, а сомнительный отчет мог для меня оказаться весьма опасным.

Итак, я с раннего утра до поздней ночи шатался по лесам и горам.

Как мне хотелось в это время быть поближе к комнате Эммы! По числу закрытых и не закрытых ставнями окон я догадался, где находится ее комната – ведь топография замка была мне хорошо известна. Весь левый флигель был всегда открыт. В правом нижний этаж отпирали только днем, а наверху из шести комнат отперты были только три: моя – впереди, а на другом конце комната покойной тетки Лидивины, сообщавшаяся с кабинетом Лерна. Значит, Эмма могла спать только в постели тетки... или у дяди. Эта мысль меня ужасно тревожила, и я во что бы то ни стало хотел вывести это на чистую воду. Для этого достаточно пяти минут: вверх по лестнице, прыжок к двери – и я узнаю все, что мне нужно...

Но дядя стережет ее.

Стережет, как тиран. И я, встречая мадемуазель Бурдише только за столом, уже настолько осмелел, что поднимал на нее глаза, но обратиться к ней с речью не отваживался. Она была исключительно молчалива, но то, что она теряла в разговоре, она выигрывала в движениях.

Между мною и Эммой стояло вечное присутствие раздраженного Лерна. Он крошил хлеб, размахивал вилкой, внезапно ударял кулаком по столу, звенел посудой.

Однажды за столом я задел нечаянно дядю ногой. Он сейчас же взял мою невинную ногу под подозрение, ему мерещилась уже подстольная сигнализация, и он был убежден, что перехватил под столом мое нежное признание. Тут же на месте он решил, что Эмма больна и будет с этих пор обедать у себя в комнате.

Было ясно, что я между двух огней: между ненавистью Лерна и любовью Эммы.

В тот же день дядя пристал ко мне, что он хочет завтра увезти меня в Нантель, – у него там дело.

Мне это было на руку. Я сумею от него избавиться на некоторое время. Завтра воскресенье, в Нантеле престольный праздник, и я решил это обстоятельство использовать.

– С удовольствием, дядюшка, – ответил я. – Но нам нужно собраться пораньше.

– Я думаю доехать в автомобиле до Грея, а оттуда по железной дороге в Нантель... Так вернее будет... Чудесно!

– Хорошо, дядя.

– Поезд из Грея отходит в восемь часов. В пять пятнадцать мы вернемся из Нантеля в Грей. Других поездов нет.

Подъезжая к деревне, мы слышали страшный гам, из которого выделялись конское ржание и бляение баранов.

Было нелегко пробраться через площадь, кишевшую по случаю ярмарки народом. Ярмарка состояла из нескольких жалких палаток и скотной площадки. Загорелые руки ощупывали соски у коров, рассматривали морды лошадей, читая по зубам их возраст, гладили их блестящую кожу, звонко ударяли их по крупам, оценивая их мускулы и силу.... Молодая девушка держала на коленях кролика с самым серьезным видом, стараясь определить его пол... барышники расхваливали свой товар... Появился первый пьяница. Дальше. В трактире горланили песни... Колокола звонили... Посредине площади была устроена белая, украшенная зеленью эстрада, и скоро городская музыка сольется в языческом гуле с шумом деревенского праздника.

К вокзалу. Теперь моя очередь заявить свою просьбу:

– Дядя... Я должен вас сопровождать повсюду или нет?

– Конечно нет. Зачем?

– Можно мне не ехать в Нантель? Я терпеть не могу ни кафе, ни трактиров, ни кабачков. Я лучше останусь здесь, в Грее, и буду вас ждать в назначенное время.

– Но тебя ведь никто не принуждает...

– Во-первых, меня интересует сельский праздник. Я лучше подольше понаблюдаю его. Ведь народные обычаи лучше всего изучать в подобной толпе, а я себя чувствую сегодня этнологом...

– Ты шутишь или что-то задумал?

– Во-вторых, дорогой дядя, кому я доверю здесь свою машину? Хозяину харчевни? Какому-нибудь толстобрюхому алкоголику-фермеру? Неужели вы сами считаете возможным, чтобы я оставил мотор, стоящий мне двадцать тысяч франков, на девять часов на потеху пьяной деревни? Ну нет! Я лучше сам буду оберегать свой автомобиль.

Дядя казался не слишком убежденным. Он считал меня способным на всякое коварство. Не хочу ли я на автомобиле или в экипаже вернуться в Фонваль, с тем чтобы поспеть сюда назад к пяти часам? Собственно, я это и имел в виду... Почти отгадал, проклятый профессор!..

– Ты прав, – сказал он холодно.

Он слез, открыл перед всей толпой воскресных зевак коробку мотора и хорошенько его осмотрел. Мне стало дурно.

Затем он взял отвертку и, отвинтив магнето, спокойно засунул его в карман.

Вот! Теперь нельзя никуда.

Я не выдал себя ни одним движением.

Он сказал смущенно:

– Прости, Николай, и будь уверен, что все это делается для твоего же блага и для того, чтобы тайна нашей работы была охранена... До свиданья!

Поезд ушел.

Я не выказал ни малейшего неудовольствия и был на вид совершенно спокоен. Я был плохим механиком. На моих руках были постоянные царапины или пятна. А шофера я принужден был по воле дяди оставить в Париже. Но мне не помогли бы все механики мира, если бы у меня не было запасного магнето. Я был счастлив. Моя предусмотрительность в этот момент оказала мне большую услугу, чем могли бы оказать мне лучшие механики мира.

Я так же быстро вставил новый магнето, как мой дядя его вытащил, и, сгорая от любопытства, помчался в Фонваль.

Немного спустя моя машина была уже в кустах. Через несколько секунд я за стеной парка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.